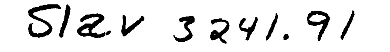
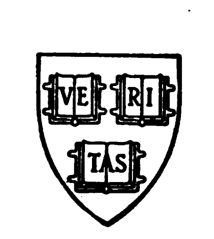

Slav 3241.91


VE
RI
TAS

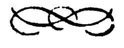
ВЕЛИКІЯ ЛУКИ

И

ВЕЛИКОЛУЦКІЙ УѢЗДЪ.

ЗАМѢТКИ

Михаила Семевскаго.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1857.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКІЯ

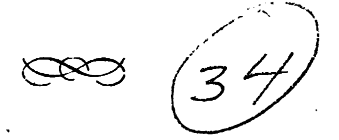
ЗАМѢТКИ

О

ВЕЛИКИХЪ ЛУКАХЪ

И

ВЕЛИКОЛУЦКОМЪ УѢЗДѢ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ГЛАВНАГО ШТАБА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
ПО ВОЕННО-УЧЕБНЫМЪ ЗАВЕДЕНІЯМЪ.

1857.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОПИСАНІЕ

ГОРОДА ВЕЛИКИХЪ ЛУКЪ

И ВЕЛИКОЛУЦКАГО УѢЗДА

> Великія Луки—городъ красивый мѣстоположеніемъ, богатый и торговый, ключъ древнихъ южныхъ владѣній Новгородской Державы.
>
> (Н. Карамзинъ, И. Г. Р Т. IX, стр. 311).

—

Великія Луки, уѣздный городъ Псковской губерніи, лежитъ подъ 48° 10′ долготы и 56° 21′ широты, считая къ востоку отъ общепринятаго меридіана, въ 251-й верстѣ отъ губернскаго города, въ 458 отъ С.-Петербурга, и 627 отъ Москвы.

Великія Луки стоятъ въ ряду древнѣйшихъ городовъ нашей отчизны. Эпоха его основанія тѣсно связана съ исторіею, такъ называемаго Греческаго пути, игравшаго столь важную роль въ первые періоды русской исторіи. По словамъ лѣтописца, путь этотъ былъ слѣдующій: «изъ Грекъ по Днѣпру и вверхъ «Днѣпра волокъ до Ловати, и по Ловати внити въ Ильменъ озеро великое, изъ него же «озера потечетъ Волховъ, и втечетъ въ озеро великое въ Невъ, и того озера устье «внидетъ въ море Варяжское, и по тому морю «внити даже до Рима, а отъ Рима пріити «по томужъ морю ко Царю-граду. Отъ Царя-«града пріити въ Понтъ (Черное) море, въ «неже течетъ Днѣпръ рѣка».... (*)

Какъ нынѣ, по дорогамъ, видимъ мы множество постоялыхъ дворовъ и всякаго рода пристанищъ путешественникамъ, такъ точно

(*) Преподобн. Нестора россійской Лѣтоп. Спб. изд. 1767 г. стр. 7.

и въ первые вѣка россійской исторіи, на берегахъ большаго водянаго пути, какимъ былъ Греческій путь, безъ сомнѣнія, были деревни, куда приплывали для отдыха купцы и княжескія дружины, державшія по обыкновенію путь или въ Византію для добычи, или изъ Византіи, обремененные добычей. — Съ теченіемъ времени, съ распространеніемъ народонаселенія, увеличивались и деревни или прибрежныя села; онѣ огораживались для защиты отъ хищниковъ частоколомъ, валомъ, обносились стѣной и вотъ являлись города—въ смыслѣ временныхъ стоянокъ, пристаней, постоялыхъ дворовъ (*).

Такъ, безъ сомнѣнія, возникъ и нашъ красивый городокъ.

Лѣтописецъ прямо называетъ новгородцевъ основателями Лукъ-Великихъ. Слѣдующее пре-

---

(*) Исторія Княж. Псковскаго. Кіевъ, 1831 г. ч. 1.

даніе подробно знакомитъ насъ съ этимъ временемъ:

Недовольные князьями, многіе изъ ильменскихъ славянъ бѣжали къ кривичамъ, обитавшимъ на верховьяхъ Днѣпра, Волги, Двины и на берегахъ Ловати (*); непроходимые лѣса близь нынѣшняго г. Холма служили имъ надежнымъ убѣжищемъ. Изъ бѣглецовъ составилась шайка удалыхъ разбойниковъ — они нападали на суда, плывущія мимо, бились съ дикими сосѣдями, воевали съ новгородцами. Между этими витязами особенно отличался наѣздничествомъ и богатырствомъ Лука—мужъ *Великій и дородный*. Тѣсно ему стало между удалыми холмитянами, и онъ, собравъ сво-

(*) Кривичи — одно изъ сильнѣйшихъ племенъ Сѣверо-запада Россіи примыкало: на Сѣверѣ къ славянамъ; на Востокъ — весь и мери; на Югѣ вятичамъ, радимичамъ, дреговичамъ, полочанамъ; на Западѣ къ литвѣ и чуди.—(И. Г. Р. т. 6, т. 8, см. Карту и Несторъ 1767 г. стр. 10.)

ихъ молодцовъ, переселился за 70 верстъ вверхъ по Ловати. Между высокими холмами, гдѣ нынѣ городъ *Луки*, свилъ себѣ гнѣздо лихой ястребъ. Отсюда, какъ стая хищныхъ птицъ, налетала его дружина на сосѣдей, кривичей, новгородцевъ, полочанъ, литовцевъ, чудь, — небыло пощады и прежнимъ землякамъ холмитянамъ.

Названія нѣкоторыхъ деревень и урочищъ, лежащихъ близь нашего города, указываютъ, изъ какихъ разноплеменныхъ бѣглыхъ людей составлена была ватага удалаго Луки: деревни *Полочаново*, *Новгородцево*, озеро *Словуй*, рѣчка *Сѣверетица*, озеро и рѣчка *Вятица*, напоминаютъ полочанъ, новгородцевъ, славянъ, вятичей. Озеро *Купуй*, *Лабо*, *Вейно*, *Сойно*, *Але*, *Чудино*, деревня *Латыгерово* — своими наименованіями свидѣтельствуютъ о томъ, что подлѣ нихъ жили въ отдаленную старину литовцы, финны, эсты, чудь. —

Чтобъ вполнѣ ознакомиться съ нравами и

обычаями первобытныхъ обитателей нынѣшней Псковской губерніи и Великолуцкаго уѣзда — обратимся къ Лѣтописи: «сіи поганіи» пишетъ Несторъ о кривичахъ, «не вѣдують закона «Божія, но творятъ сами себѣ законъ, жи«вутъ въ лѣсѣхъ, якоже и всякій звѣрь, яду«ще все нечисто, и срамословіе въ нихъ «предъ отцы и снохами; и браци (браковъ) «небываютъ въ нихъ, но игрища межъ селъ. «Схожахусь на игрища, на плясанія, и на «вся бѣсовскія пѣсни, и ту умыкаху жены «себѣ, съ нею кто совѣщаетесь (*); и еще «кто умираше, творяху кладу велику, и воз«ложутъ на кладу мертвеца (**) и сожигаху; «и по семъ собравше кости влагаху въ со-

(*) Т. е. на общихъ играхъ, желающій жениться совѣщался съ выбранною имъ дѣвушкою, — уводилъ ее тайно и вступалъ въ бракъ.

(**) Творяху кладу, т. е. составляли костеръ и на кострѣ сожигали тѣло покойника.

«судъ малъ, и поставляху на столпѣ на пу-
«техъ (*).

Въ 10 вѣкѣ, лучи христіанской религіи стали проникать и въ глухіе лѣса, въ шалаши дикихъ кривичей. «Св. Ольга», по словамъ своего жизнеописателя, «по крещеніи пойде въ «Великій Новгородъ, и въ *прочіе грады Дер«жавы своея и всюду*, елико можеше при«вождаше людей ко христовой вѣрѣ и сокру«шаше идолы, на мѣстѣ же ихъ поставляше «честные кресты, отъ нихъ же потомъ мно«гія знаменія и чудеса содѣловахуся во увѣ«реніе невѣрныхъ».... (**)

Но только при Владимірѣ Святославичѣ, внукѣ Св. Ольги, христіанская религія окончательно утвердилась между грубыми туземцами; этотъ князь, по общему совѣту епископовъ, окончательно уничтожилъ идоло-

(*) Т. е. на перекресткахъ. Несторъ, стр. 12.

(**) Чети Минея; см. подъ числомъ 16 іюля, также И. Г. Р., т. 10, пр. 50.

поклонство, низвергнулъ кумиры, истребилъ нечестія язычниковъ и Православный крестъ осѣнилъ Россію. (*)

Съ основаніемъ Новгородской Державы, берега Ловати вошли въ составъ ея земель; Рюрикъ сталъ «княжити и володети» призвавшими его Словянами; братъ его Труворъ сталъ вѣдатъ земли псковскія, простиравшіяся на Сѣверъ до нынѣшняго городка Гдова, на Югъ до Острова или Опочки, на Востокъ до Новоржева....

Село Дубровно,—со стороны Порхова,—было на границѣ, раздѣлявшей земли Пскова и Новограда; послѣдній зорко наблюдалъ за своими волостями и не уступалъ ихъ Пскову, не смотря на то, что многія изъ нихъ, какъ напримѣръ, нынѣшнія земли Лукъ Великихъ,

---

(*) Истор. Кн. Псковск. Ч. 3, стр. 5. Степен. книга.

были гораздо ближе къ родинѣ Св. Ольги, нежели къ столицѣ славянъ.... (*)

Имя города нашего впервые упоминается лѣтописью подъ 1155 годомъ,—лѣтописецъ говоритъ о Лукахъ, какъ о пригородѣ Новгородскомъ, весьма обширномъ и *укрѣпленномъ*; названъ онъ вѣроятно именемъ своего сказочнаго основателя. Г. Гербель, вѣрнѣе, Г. Соколовъ

(*) Энцикл. Лексик. Спб. 1837 г. Т. 9, стр. 281—282.—Ист. Княж. Псков. ч.1, стр.61. Тамъ же стр. 52 и др. Также см. «Истор. описаніе г. Пскова, заключающее въ себѣ многія достойныя любопытства происходимости. Сост. *Николаемъ Ильинскимъ*. Спб. 1790 г. въ 6 ч, 1791, 1793 и 1794 годовъ»,—въ числѣ лицъ, подписавшихся на это сочиненіе, много было особъ Великолуцкаго уѣзда; какъ напримѣръ Беклешовъ, Окуневъ, Иванъ Колычевъ, Василій Семевскій, Егоръ Семевскій (дѣдъ автора статьи о Великихъ Лукахъ), Горожанскій, Валуевъ и многіе другіе.

предполагаютъ, что наименованіе его произошло отъ излучистаго теченія Ловати.

При составленіи этой статьи, намъ удалось найти весьма оригинальное литературное *заимствованіе*; долгомъ считаемъ подѣлиться съ гг. читателями нашей любопытной находкой. Авторъ «Писемъ изъ похода», при описаніи города ***Великихъ Лукъ,*** взялъ на себя весьма важный трудъ отыскать въ Энц. Лексиконѣ краткій, но дѣльный очеркъ исторіи сего города, составленный въ 1837 г. И. Д. Соколовымъ, а отыскавъ—*списать его буквально*; что онъ и сдѣлалъ.

Не только выписки изъ лѣтописей г. Соколова весьма точно переписаны г. Гербелемъ (разумѣется безъ ссылки на цитируемую статью), но даже и многія цифры, помѣщенныя въ 1837 г. нашли мѣсто въ статьѣ 1854 г.

Въ подтвержденіи сказаннаго переписываемъ буквально обѣ статьи.

ВЕЛИКІЯ ЛУКИ.

1837 г.

Этотъ городъ, получившій свое названіе, какъ полагаютъ, отъ излучистаго теченія рѣки Ловати, въ древности принадлежалъ Новгороду; первое извѣстіе о немъ встрѣчается въ Новгородской лѣтописи подъ 1155 годомъ; здѣсь Князь Смоленскій Ростиславъ Мстиславичъ имѣлъ свиданіе съ сыномъ своимъ Святославомъ, княжившимъ тогда въ Новгородѣ . . . . многіе Князья, подъ предводительствомъ Андрея Боголюбскаго . . . . въ 1168 году взяли и выжгли Великія Луки; въ слѣдующіе два года Андрей Боголюбскій, а послѣ него Князья Смоленскій и Полоцкій еще

ВЕЛИКІЯ ЛУКИ.

1854 г.

Этотъ городъ, получившій названіе, какъ полагаютъ, отъ излучистаго теченія рѣки Ловати, въ древности принадлежалъ Новгороду. *Въ первый разъ* упоминается о немъ въ Новгородской лѣтописи, подъ 1155 годомъ, *какъ о мѣстѣ, ознаменованномъ* свиданіемъ Князя Смоленскаго Ростислава Мстиславича съ сыномъ его Святославомъ, княжившимъ тогда въ Новгородѣ. Въ 1168 году *Андрей Боголюбскій взялъ и выжегъ* Великія Луки. Въ слѣдующіе два года Князья Смоленскій и Полоцкій еще два раза раззоряли этотъ городъ.

Затѣмъ онъ былъ

два раза раззоряли этотъ городъ.

Послѣ этого онъ былъ укрѣпленъ, и въ 1198 году, литовцы тщетно его осаждали. Въ 1448 году Іоаннъ III Васильевичъ, присоединилъ Великія Луки къ Великому Княжеству Московскому..... Въ 1580 году овладѣлъ Великими Луками король Польскій Стефанъ Баторій; въ 1611, Поляки, прибывшіе съ Лжедмитріемъ, разрушили.. городъ до основанія.— Послѣ того Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, снабдившій Уральскихъ и Донскихъ казаковъ, за походы ихъ въ Польшу, разными льготами, дозволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ, по собственному ихъ желанію, поселиться въ Великихъ

укрѣпленъ и въ 1198 году, выдержалъ *продолжительную* осаду литовцевъ.

Въ 1448 году Іоаннъ III присоединилъ Великія Луки къ Великому Княжеству Московскому. Въ 1580 году овладѣлъ *имъ* Король Польскій Стефанъ Баторій, а въ 1611, Поляки, прибывшіе съ Лжедмитріемъ, разрушили городъ до основанія..— Послѣ того Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, *даровавшій* Донскимъ и Уральскимъ казакамъ, за ихъ вѣрную службу во время войны его съ Польшею, разныя льготы, дозволилъ нѣкоторымъ изъ нихъ, по собственному ихъ желанію, поселиться въ Великихъ Лукахъ, при чемъ пожаловалъ каждому изъ

Лукахъ, причемъ пожаловалъ каждому изъ нихъ по одному работнику изъ крестьянъ, для земледѣлія. Съ этого времени, не испытывая никакихъ тягостныхъ переворотовъ, городъ началъ преуспѣвать въ развитіи своего устройства и благосостоянія.. ......Петръ Великій включилъ Великія Луки въ число городовъ учрежденной тогда Ингерманландской губерніи, а въ 1719 году причислилъ его особенною провинціею къ С. Петербургской губерніи........

Екатерина II-я сдѣлала Великія Луки провинціальнымъ городомъ Псковской губерніи; 3 августа 1777 года присвоила ему значеніе города уѣзднаго той же

нихъ по одному работнику изъ крестьянъ для земледѣлія. Съ того времени не испытывая никакихъ тягостныхъ переворотовъ, городъ началъ *замѣтно улучшаться и богатѣть. При учрежденіи Императоромъ Петромъ Великимъ губерній,* Великія Луки вошли сначала въ составъ городовъ Ингерманландской губерніи, а въ 1719 году причислены *къ ней* особенною провинціею. *Наконецъ* Екатерина II сдѣлала Великія Луки провинціальнымъ городомъ (?) а 3 Августа 1777 года присвоила ему значеніе уѣзднаго города (?). Въ новѣйшія времена Великія Луки замѣчательны заключеннымъ здѣсь 8 (20) іюля 1812 года

губерніи. ..... Въ новѣйшія времена Великія Луки замѣчательны заключеннымъ здѣсь 8 (20) Іюля 1812 года, дружественнымъ договоромъ между Россіею и Испаніею. . . . . Домовъ въ городѣ вообще болѣе 900....... лавокъ 92........ годовой оборотъ Великолуцкой торговли и промышленности можно полагать не меньшимъ 500000 рублей....... и. т. д. «Эн. Лек», 1837 г. т. XI, стр. 281—282	дружественнымъ договоромъ между Россіею и Испаніею, ... Въ городѣ 983 дома.. лавокъ 92. . . . . годовой оборотъ Великолуцкой торговли и промышленности можно полагать *около* 500000 рублей. . . . . и. т. д. «СПБ. Вѣдом». 1854 г. 2 Ноября, № 244.

Всѣ слова и склады, написанные курсивомъ, принадлежатъ г. Н. Гербелю; все-же остальное весьма добросовѣстно списано съ статьи г. Соколова.

Обращаемся къ нашему очерку.

Выше мы сказали, что подъ 1155 годомъ

впервые упоминается о Лукахъ (*) Великихъ. Дѣйствительно, не задолго передъ этимъ, великій князь Ростиславъ прислалъ въ Новгородъ «княжити» сына своего Святослава.— Новый князь, по словамъ лѣтописца, своевольно смѣнилъ общелюбимаго посадника Нѣжату; недовольные граждане заволновались... Испуганный Святославъ обратился къ В. К. съ просьбою учинить въ бунтливомъ городѣ «нарядъ».

Ростиславъ отправился на судъ; заболѣлъ въ Лукахъ и призвалъ сюда именитыхъ людей Великаго Новограда (**). Новгородцы были усмирены, но не надолго. Ростиславъ вскорѣ умеръ; Святославъ, вновь возбудившій противъ себя общее неудовольствіе, бѣжалъ въ 1167 году и *засѣлъ* въ Великихъ Лукахъ, пославъ

(*) Лука-луга; *Лука-Моря* или лукоморье; см. И. Г. Р. т. III, примѣч. 74. Граматинъ. Слово о Полку Игоревѣ, примѣч. 86. Дубенскій Р. Д. ч. 3, стр. 108, примѣч. 361.

(**) Новгород. Лѣтоп. лѣто 6674.

отсюда сказать Великому Новгороду: «не хочу быть вашимъ Княземъ» (*).

Вольные граждане запылали местью; всѣ отъ мала до велика поклялись Богоматерью «нехотѣть Святослава» и пошли на Луки.

Устрашенный Святославъ бѣжалъ къ Торопцу, оттуда на Волгу, къ князю Андрею Боголюбскому съ просьбою о помощи. Послѣдній двинулъ свою рать на земли новгородскія,—и прошелъ до Торжка съ огнемъ и мечемъ; въ это же время, т. е. въ 1168 году, князь Смоленскій, братъ изгнанника Святослава, выжегъ Луки—Великія.

Новгородцы съ необычайною энергіею отстаивали и отстояли свою независимость. Многочисленные полки Андрея и его союзниковъ были изрублены подъ стѣнами города—бѣгле-

---

(*) См. статью знаменитаго историка нашего, С. Соловьева «Объ отношеніяхъ Новгородцевъ къ Великимъ Князьямъ». Москва, 1845 года, стр. 79.

цы погибли въ лѣсахъ и болотахъ. Со времени знаменитой побѣды, охраняемый единодушіемъ гражданъ, мудрою политикою и непроходимыми дебрями, Великій Новгородъ сталъ *выбирать* себѣ князей и, сажая ихъ на Княжескій столъ, заставлялъ принимать *свои* условія, заставлялъ править республикою «по всей волѣ ея.» (*)

Г. Гербель (И. Соколовъ) говоритъ, что только въ это время, Луки, возвращенныя новгородцами, были укрѣплены. Смѣемъ думать, что еще въ 1156 году, годъ бѣгства Святослава, городъ имѣлъ укрѣпленія, иначе трусливый князь, не рѣшился бы бѣжать на него: а побѣжавъ, не *засѣлъ* бы въ немъ съ цѣлью отразить рать новгородскую.

Впрочемъ, укрѣпился ли городъ въ 1156 или 1180 году, какъ бы то ни было, только въ 1198 году онъ уже принималъ участіе въ

(*) «Новгор. и Ипатьев.» лѣтоп.: изслѣдов. Соловьева, стр. 80—83, И. Г. Р. т. 2 и 3.

кровавыхъ междоусобіяхъ удѣльныхъ князей: Ярославъ, правнукъ Мономаха, княжившій въ это время въ Новѣгородѣ, ходилъ къ Лукамъ, чтобы удержать кривскихъ владѣтелей и воспрепятствовать ихъ соединенію съ черниговцами, противъ великаго князя Всеволода (отца Ярослава). Спустя не много времени, тотъ же Ярославъ, вмѣстѣ съ купцами и военными людьми, ходилъ выручать Виликія Луки отъ тѣсной осады полочанъ. Изяславъ, сынъ Ярослава Новгородскаго, правилъ Луками бывшихъ въ то время по словамъ лѣтописца *«надежнымъ оплотомъ Народной Державѣ»* (*).

(*) См. И. Г. Р, т. 3 изд. 1816 г. примѣч. 101. Тамъ же на стр. 51 см. о походѣ Мстислава Храбраго (1180) черезъ Луки на Полоцкъ. См. также: «О господинѣ Новгородѣ Великомъ» (письмо) А. В. (Вельтмана). Москва, типографія Селивановскаго 1834 года, и «Псковскую Лѣтопись» изд. М. П. Погодинымъ. Москва, 1837 г.

Слова лѣтописца даютъ намъ понятіе о обширности и силѣ укрѣпленій нашего города, наконецъ о значеніи его для Новгорода.

Отразивъ нападеніе полочанъ и литовцевъ, великолучане въ 1205 году, съ воеводою своимъ Нездизою Пьхинцинидомъ, храбро напали на ливонцевъ, опустошили южную часть Ливоніи и на Теропѣ въ расплохъ взяли весь лагерь и обозъ непріятельскій; воины, дерзнувшіе защищаться, были изрублены, другіе захвачены въ плѣнъ и съ своими женами и дѣтьми торжественно приведены въ городъ (*).

Этотъ *«поискъ»* особенно важенъ по своимъ послѣдствіямъ; всѣ не ходившіе на него, были обложены пенею, въ наказаніе за отчужденіе отъ дѣла общаго. Такъ мужественные великолучане требовали единодушія во всѣхъ своихъ предпріятіяхъ (**).

(*) И. Г. Р, т. 3 изд. 1818 г. стр. 149—180.

(**) Любопытно извѣстіе о томъ, какъ вели себя въ бою храбрые *«Новгородскіе люди.»* —

Татары нахлынули на Россію; множество городовъ было истреблено, сотни тысячъ россіянъ погибли въ кровавыхъ бояхъ; Россія, изнуренная кровавыми усобицами, подпала подъ иго Монголовъ.

Новгородъ *съ своими землями* чудомъ спасся отъ общаго истребленія и порабощенія; хотя и платилъ онъ дань ордѣ, но по прежнему гордо именовалъ себя Великимъ Нов-

---

Обратимся къ лѣтописямъ. Въ борьбѣ знаменитаго князя Мстислава, во время славнаго Липецкаго побоища, съ зятемъ его Ярославомъ —рекли новгородцы: «Князь, не хотимъ умирать на коняхъ, *но подобно отцамъ своимъ* будемъ биться *на кулачкахъ.*» Мстиславъ обрадовался этой рѣшимости. Тогда новгородцы соскочили съ коней, «сметавше порты» босикомъ бросились на непріятеля. Полки новгородскіе сцѣпились съ полками Ярославовыми. Была сѣча великая. Новгородцы одолѣли, противники дрогнули и побѣжали; поле битвы было усѣяно ранеными и убитыми (см. Полн. Собр. Русск. Лѣтоп.

городомъ, столицею вольной Новгородской Державы; республика не знала хищныхъ баскаковъ ханскихъ, вѣдала себя по прежнему по своимъ обычаямъ и процвѣтала въ торговлѣ съ Ганзою.

Луки Великія долго раздѣляли завидную участь своей Державы, но въ 1405 году были завоеваны литовскимъ королемъ Витольдомъ (ум. 1430 г.).

1841 года. Новгород. перв. лѣтоп. годъ 6724).

Нельзя обойти молчаніемъ страшнаго голода, посѣтившаго около этого времени *всю русскую* землю. Съ содроганіемъ читаешь сказаніе лѣтописца о всѣхъ ужасахъ сего событія. Повсемѣстный голодъ (1230 г.) простирался до такой степени, что рѣзали дѣтей и взрослыхъ, ѣли живое мясо, небрезгали и мертвечиною. Дохлыя кошки, собаки, лошади были изжариваемы и съѣдаемы. Ѣли сосну, липовую кору, древесные листья, страхъ что дѣялось на землѣ Русской. Къ бѣдствіямъ голода и мора присоединились разбои людей освирѣпѣвшихъ. Они грабили

Сынъ Кейстутія (ум. 1381 г.), сей кровожадный убійца ближнихъ своихъ родственниковъ, увлекаемый ненасытнымъ честолюбіемъ, подчинилъ себѣ силою оружія, дерзостью и хитростью большую часть Западной и Южной Россіи, оставивъ Сѣверъ княжеству Московскому, обезсиленному игомъ татарскимъ. Витовтъ раздвинулъ грань своего государства, съ одной стороны до Пскова, съ другой до

и жгли дома, изъ небольшой кадки ржи выжигали цѣлыя селенія. Мертвыя тѣла грудами валялись по стогнамъ, покрывали торжища, загораживали мосты. Три обширныя скудельницы наполнены были жертвами бича небеснаго; уже привыкли къ нему, уже несчитали покойниковъ. Гражданскія и семейныя связи были прерваны: братъ не сострадалъ брату, отецъ рѣзалъ сына за кусокъ лошадинаго мяса, мать отворачивалась отъ дочери, «не было милости межъ нами, восклицаетъ очевидецъ, но бяше туга и печаль, на улицахъ скорбь, а дома тоска!» (тамъ же г. 6738).

Молдавіи и Галиціи; — знамена его развѣвались на берегахъ Куры, Сулы, Днѣпра. Въ это же время литовцы, пользуясь раздоромъ Новгорода и Пскова, быстро напали на земли псковскія и взяли Коложе (1464 г. 5 февраля) (*).

(*) Городъ *Коложе* или *Коложа*, неизвѣстно когда основанный псковитянами, находился въ 10—12 верстахъ отъ города Опочки близь дороги въ Новоржевъ, на берегу озера, *Коложа* и рѣчки *Коложицы* впадающей въ *Кудру*.... «Витольдъ овыхъ изсѣче, а иныхъ «поведе въ свою область. А всего въ полонъ «взяша 11 тысячь мужей и женъ и дѣтей. «А подъ Воронечемъ городомъ наметаша *рать* «мертвыхъ дѣтей двѣ ладьи. Не бывало пако-«сти таковой какъ и Псковъ сталъ.»

На мѣстѣ *Коложскаго городища* нынѣ видна небольшая часовня, поставленная вмѣсто прежняго Ильинскаго погоста, уничтоженнаго поляками въ началѣ XVII вѣка.

Не такъ еще давно, 20 іюля совершался сюда крестный ходъ изъ ближайшей церкви— въ память освобожденія, отъ *поганыхъ* Литовцевъ.

Псковъ «билъ челомъ» о помощи старшему брату своему Великому Новгороду, но люди новгородскіе, всегда смѣлые, на этотъ разъ лукаво уклонились отъ вмѣшательства въ войну съ Витольдомъ; разгнѣванные псковичи, въ отмщенье какъ Новгороду такъ и Литвѣ, сожгли Новоржевъ (Ржеву Пустую) и Великія Луки (*).

Въ 1435 году новгородцы возвратили Луки, *повоевали* лучанъ *«своихъ даньщиковъ»*, а они не хотѣли платить дань Новгороду (Псков. лѣтоп.).

И такъ, въ началѣ XV вѣка, мы видимъ городъ нашъ владѣніемъ спорнымъ, страдаю-

(*) «1406 года, тогожъ мѣсяца февр. 28, «Юрей Посадникъ Козачковичъ, пойма съ «собою охвочихъ людей, Псковичь, Изборякъ, «Островичъ, Вороначанъ, Вельямъ и шедше «повоеваша Ржеву и Луки, а на Лукахъ на «Великихъ и стягъ (знамя) Коложское взя«ша.» (Псков. 1-я лѣт. стр. 197).

щимъ отъ своихъ и чужихъ; ввергнутымъ во всѣ ужасы войны кровавой и упорной.

Между тѣмъ приближалось время паденія Новгорода; граждане его потеряли свои доблести въ гибельной роскоши; не оружіе, а постыдныя дани спасали ихъ отъ непріятелей, между ними не было уже ни единодушія ни пламенной любви къ отчизнѣ; корыстолюбіе ослабило и погубило новгородцевъ.

Грозная туча, подъ ударами которой должно было рухнуть величіе этой державы, давно скоплялась со стороны Московскаго Княжества, послѣднее росло и крѣпло въ правленіе хитраго Калиты, безстрашнаго Донскаго, осторожнаго Василія Дмитріевича, росло, поглощая мѣлкія удѣльныя княжества; составляя изъ этихъ разрозненныхъ членовъ одного великана, Москва не могла равнодушно смотрѣть на независимость и богатство Сѣверо-Запада Россіи. Между тѣмъ на великокняжескій престолъ вступилъ Іоаннъ III и участь Новгорода была рѣшена.

Въ 1469 году начались раздоры (*): стѣсняемая Іоанномъ, республика Новгородская прибѣгла съ просьбою о помощи къ Казимиру, королю Литовскому. Она предложила послѣднему принять ее подъ свою власть и покровительство, впрочемъ на извѣстныхъ условіяхъ (**).

(*) См. грамот. Митропол. Филиппа новгородцамъ, съ убѣжденіемъ покориться вел. князю (1471). Его же посланіе къ велик. князю Іоанну Васильевичу о помилованіи Новгородцевъ (1471).

(**) И. Г. Р. т. 6, стр. 30 и друг. Въ числѣ условій сказано было, что въ Лукахъ должны были быть по одному тіуну съ обѣихъ сторонъ. «А что Ржева и Великія Луки «и Холмовской погостъ, четыре перевары (*) «а то земли Новгородскіе, а въ то ся тебѣ

(*) Перевара—пошлина, взимаемая съ сельскихъ жителей за варку пива и меда (Словарь Церк. Словян. и Русскаго языка, т. 3, 1847 г.).

Но это не спасло дряхлую и обезсилинную державу; лѣтомъ 1477 года, московскія войска, предводимыя лучшими вождями, подъ непосредственнымъ началомъ Іоанна III, поспѣшно вступили въ земли новгородскія: казалося само небо помогало:
«Великому Іоанну, всей Руси повелителю!.»(*).

Болота, озера и рѣки нѣкогда прикрывавшія доступъ къ Новгороду, засохли (**), войско московское свободно обложило стѣны новгородскія; началась ужасная осада. Доведен-

---

«честному Королю не вступати, а знать тебѣ «своя.... а тѣ земли къ Великому Новгороду. «А Ржевѣ и Лукамъ, и Холмовскому погосту «и инымъ землямъ Новгородскимъ и водамъ «отъ Литовской землѣ рубежъ по старинѣ». (И. Г. Р. т. 6, прим. 42).

(*) Стихъ Н. Языкова. «Московск. Сборн. 1846 г.»

(**) «*Зане (даже) же* Ловать засохла» добавляетъ современникъ, «бяше бо засуха тогожъ лѣта, и бысть пагуба велика.» (т. 6, пр. 68).

ные до отчаянія, защитники свободы предложили монарху взять Луки Великія и Ржеву пустую (*). Побѣдитель не принялъ предложенія; онъ зналъ, что вмѣстѣ съ Новгородомъ, неизбѣгнутъ его власти и новгородскіе пригороды.

Такъ и было, «палъ Новгородъ съ своею бурной волею», а вмѣстѣ съ Новгородомъ, *отчинною* великаго князя, и нашъ городъ вошелъ въ составъ Московскаго Государства.

(*) Новгородская *Ржева* нынѣ село *Подржевка*, лежащее къ югу отъ города Новоржева Псковской губерніи. Въ 1536 году, вмѣсто прежней Ржевы, поставленъ новый городъ на островѣ *Грудъ*, на озерѣ *Заволочьѣ*. Великій князь повелѣлъ перенести сюда дворы изъ прежней Ржевы. (И. Г. Р., т. 8, пр. 49 и Сѣвер. Архивъ 1822 г. № 23). Городъ получилъ два названія: *Заволочье* тожь *Ржева. Пустая*. Положеніе нынѣшняго *Новоржева* при озерѣ *Росцѣ* отлично отъ прежней древней Ржевы и Заволочья.

Послѣднее обстоятельство въ 1491 году, при новомъ разрывѣ Литвы съ Россіею, поставлено было королемъ Казимиромъ въ упрекъ Іоанну III. Первый жаловался, между прочимъ, на то, что многія литовскія земли неправедно захвачены Іоанномъ, что де Великія Луки и Ржева Пустая не хотятъ платить ему дани и проч. (*). Но побѣдитель Новгорода отвѣчалъ: «*Луки и Ржевъ суть искони Новгородскія области.*»

Въ то время, когда Луки были однимъ изъ спорныхъ пунктовъ смежныхъ государствъ, самый городъ представлялъ жалкій видъ: раззоренный и выжженный, онъ лежалъ пустыремъ; плачь и рыданія скорбныхъ жителей раздавались межь развалинъ Великаго Града!

Виновниками сего раззоренія были братья великаго князя Андрей и Борисъ: недовольные Іоанномъ, они бросили свои вотчины и съ казной, женами и дѣтьми, съ войскомъ болѣе не-

---

(*) И. Г. Р., т. 6, стр. 224.

жели въ 20 тысячъ двинулись на Луки. Всѣ селенія и города, коими они проходили, были безжалостно ограблены, жители изгнаны, многія тысячи взяты въ плѣнъ. Что же касается до нашего города, то онъ, по словамъ лѣтописца, «былъ въ *конецъ* раззоренъ» (*).

Какъ легко стирались съ лица земли, такъ легко и возникали тогдашніе города Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, уже въ 1500 году, мы видимъ великолучанъ принимающихъ дѣятельное участіе въ борьбѣ Іоанна съ Казимиромъ. Въ семъ году, соединенные полки: новгородскіе, псковскіе и великолуцкіе, разбили непріятеля близъ Ловати и взяли Торопецъ (**). Въ рядахъ побѣдоноснаго войска, по свидѣтельству Карамзина, «были племянники государевы, князья Иванъ и Ѳедоръ, сыновья «брата его Бориса. Новгородскій Намѣст-«никъ: Андрей Челяднинъ, велъ большой

(*) Псковск. Лѣтоп., изд. 1837 г., стр. 157.
(**) И. Г. Р., т. 6, стр. 284.

«полкъ, имѣлъ знамя великокняжеское, изби-
«ралъ частныхъ предводителей и отдавалъ всѣ
«повелѣнія.» (*)

Сколь славно начали свою службу великолучане Іоанну III-му, столь же доблестно продолжали ее и въ послѣдующія компаніи. Такъ, напримѣръ, въ 1517 году, дружина нашего города, вмѣстѣ съ вяземскою, спасла Опочку отъ двухнедѣльной осады литовцевъ; 14 тысячъ непріятелей были разгромлены россіянами, новая рать Сигизмундова, пришедшая на помощь, подверглась той же участи. Нѣсколько воеводъ, обозъ, пушки были трофеями храбрыхъ побѣдителей (**).

Счастливые на полѣ брани, великолучане были несчастны у себя дома: осенью 1566 года, по свидѣтельству современниковъ, ужасный моръ лишилъ городъ большой части жителей.

(*) И. Г. Р., т. 7, стр. 86, прим. 169.
(**) Псковск. Лѣтоп., стр. 518.

Насталъ 1580 годъ, годъ славный и въ то же время гибельный для Лукъ Великихъ!

На Россію, истомленную, обезсиленную, трепетавшую подъ властью Грознаго, на Россію, потерявшую лучшихъ воеводъ своихъ на плахахъ и висѣлицахъ, шелъ войной Стефанъ Баторій. Поляки, пламенно любившіе короля героя, съ довѣренностью шли на грады русскіе, съ храбростью брали ихъ, и неудержимымъ потокомъ разливались все дальше и дальше, въ глубь владѣній Іоанна IV. Направляясь къ Новгороду, Пскову, Какенгаузену и Смоленску, Баторій, въ исходѣ августа 1580 года, сталъ подходить къ нашему городу (*).

(*) И. Г. Р., т. IX, стр. 312, 313. — По свидѣтельству польскихъ историковъ, Поляки отъ Велижа (взятаго ими въ расплохъ) шли до Великихъ Лукъ дорогою почти непроходимою; венгерская пѣхота съ удивительнымъ терпѣніемъ, пролагала себѣ дороги, сквозь дремучіе лѣса, подвигалась впередъ, храбро выбивая русскихъ изъ засадъ. Вотъ что̀

Не доходя до него, непріятель узналъ чрезъ лазутчиковъ, что гарнизонъ выслалъ отрядъ татарскихъ всадниковъ, съ цѣлью подстеречь авангардъ идущей арміи и напасть на него въ расплохъ.

пишетъ извѣстный лѣтописецъ польскій; Maciej Stryikowski. Kronika polska Litewzka Zmódzka i wszystkiej Rusi:

«Стефанъ Баторій отъ Усвята и Велижа направился къ Великимъ Лукамъ.

«Янъ Вольминскій, староста кіевскій кастелянъ польскій посланъ былъ съ авангардомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ ротъ ногайскихъ татаръ, нѣсколькихъ сотень гайдуковъ всего около 1500 конныхъ и пѣшихъ воиновъ. За Вольминскимъ, велъ гетманъ *Радзивилъ* 3 тысячи жолнеровъ, староста Янъ *Кичко* 400 конниковъ и сотню пѣхоты; князь Островскій 8 сотенъ; Николай *Радзивилъ*, воевода новгородскій, *Глебовичъ* кастелянъ минскій, *Тишкевичъ* воевода смоленскій, и многіе другіе важные чиновники также вели свои полки. Стольникъ князь Пронскій (бѣглецъ русскій) велъ полки волынскіе и трок-

Панъ Вольминскій, начальникъ передоваго отряда, воспользовался этимъ и высланную партію разбилъ на берегахъ Кислаго озера въ 11-ти верстахъ отъ Лукъ; отъ плѣнныхъ поляки свѣдали все, что имъ было нужно для обложенія обширнаго города.

Наконецъ, послѣ труднаго, утомительнаго похода, какъ говоритъ современникъ, поляки прибыли къ Лукамъ 26-го августа. Авторъ «Исторіи Псковскаго княжества» говоритъ, что «Великія Луки были городомъ тогда многолюд-

---

скіе, съ нимъ же шло рыцарство Жмулское, всего 3 тысячи; 2 тысячи рыцарей Литовскихъ шло подъ командою Николая Сапѣги; далѣе двигалась польская кавалерія въ числѣ 3-хъ тысячъ; венгерцовъ 4 тысячи; королевскаго конвоя 1 тысяча конниковъ, да за Королемъ шла, по выраженію лѣтописца: «остальная армада» въ числѣ 26 тысячъ разнаго войска; такимъ образомъ 44-тысячная армія шла на Луки, имѣвшія шести-тысячный гарнизонъ.

нѣйшимъ и послѣ Москвы и Пскова обширнѣйшимъ и богатѣйшимъ (*). Крѣпость его была усилена 12 батареями (**).» По словамъ Стрыйковскаго, участвовавшаго въ походѣ Баторіевомъ, Луки имѣли *замокъ*, обнесенный земляными валами и расположенный въ равнинѣ между Ловатью и озеромъ. Авторъ «Исторіи Псковскаго княжества» увѣряетъ, что царь, *предвидя* нашествіе непріятеля, велѣлъ выжечь городское предмѣстіе, въ крѣпость прислалъ всѣ нужныя орудія и весьма многочисленный гарнизонъ. Первое легко опровергнуть, въ самомъ дѣлѣ: грозный съ покорными подданными, трусливый съ врагами, Іоаннъ до того измалодушествовался, что вмѣсто арміи, необходимой для спасенія своихъ городовъ : Полоцка, Лукъ и другихъ, повелѣлъ Пивову и Сицкому ѣхать къ гордому

(*) Ч. 3.
(**) Не башнями ли? См. ниже главу II.

врагу съ мольбой о пощадѣ (*); могъ ли тотъ же Іоаннъ, и въ это же время, время какого то паническаго страха, заботиться о приведеніи порубежныхъ городовъ въ оборонительное положеніе (**)? Что же касается до послѣдняго извѣстія, то противъ него говоритъ число великолуцкаго гарнизона, и отношеніе его къ числу непріятеля: 6 противъ 44-хъ! гдѣ же заботы о защитѣ государства, гдѣ попеченія о немъ Іоанна?

Въ то время, когда Сицкій и Пивовъ молили Стефана снять осаду, послѣдній предлагалъ осажденнымъ сдать крѣпость. Но ни ласки, ни угрозы не могли поколебать безстрашныхъ россіянъ: пушечными выстрѣлами

(*) Стрыйковскій, съ негодованіемъ и горькой насмѣшкой говоритъ о посольствѣ столь постыдномъ для чести Россіи.

(**) Авторъ хроники, говоря, что мѣсто, занятое городомъ, «очень велико», добавляетъ что сами москвичи «для знатнѣйшей (лучшей) обороны спалили форштаты».

отвѣчали они на предложенія о сдачѣ. Поляки, видя всѣ свои усилія безплодными, ближе подошли къ городу. Съ одной стороны король съ литовцами и венгерцами, съ другой коронный канцлеръ Янъ Замойскій, стали громить его неумолкаемыми перекрестными залпами.

Градъ ядеръ не поколебалъ великолучанъ, обрекшихъ себя славной смерти за отчизну; они безстрашными вылазками тревожили врага, препятствовали осаднымъ его работамъ; отбили однажды королевское знамя и, ворвавшись въ лагерь, пробились къ самому шатру Баторіеву, уничтожая все огнемъ и мечемъ; разгнѣванный король повелѣлъ венгерцамъ поджигать городъ. Но и эти попытки долго неудавались; только 5-го сентября, поляки, подведя мину подъ большой пороховой погребъ взорвали его на воздухъ. Страшный ударъ потрясъ землю, глыбы камней, земля, пушки, люди полетѣли въ воздухъ. Со всѣхъ сторонъ, съ дикими воплями, враги устремились на городъ, залитый пламенемъ. Защитники, уцѣлѣвшіе отъ

взрыва, съ мечами въ рукахъ, встрѣтили непріятеля; завязалась сѣча среди развалинъ: россіяне дѣлали невѣроятныя усилія, чтобъ опрокинуть врага. но что могла сдѣлать горсть храбрецовъ противъ громадныхъ полчищъ счастливаго завоевателя?

Послѣ продолжительной свалки, Баторій, говоря словами Карамзина: «взялъ попелище «облитое кровью, покрытое истерзанными тѣ«лами и членами». (*)

Въ числѣ немногихъ русскихъ, доставшихся

(*) Поляки и венгерцы, по словамъ Стрыйковскаго (лѣтописца пристрастнаго): жгли, сѣкли мечами, давили лошадьми,—кровь бѣжала широкими ручьями. Люди дрались стоя до колѣна въ крови. До 7 тысячъ русскихъ головъ (воиновъ и жителей Великихъ Лукъ) слетѣло не болѣе какъ въ часъ. Стоны, вопли и плачъ оглашали воздухъ. Небыло никому пощады. Только немногимъ старцамъ и дѣвицамъ дарована была жизнь.

врагу большею частію изувѣченными, были воеводы: Ѳедоръ *Лыковъ*, Михайло *Кашинъ*, Юрій *Исаковъ*, Василій *Измайловъ*. Главный воевода, Ѳедоръ *Ласкаревъ*, не отдался въ плѣнъ и погибъ въ кровавой сѣчѣ на развалинахъ ввѣренной ему крѣпости. Если вѣрить польскимъ лѣтописцамъ венгерцы, литовцы и поляки получили знатныя добычи, расплатившись за нихъ пятью лучшими воеводами и множествомъ воиновъ.

Баторій непочилъ на лаврахъ дорого купленной побѣды, напротивъ, онъ немедленно возстановилъ укрѣпленія, и только утвердившись на берегахъ Ловати, перенесъ свои знамена въ Торопецъ, Невель, Озерище, Заволочье (тожь Ржеву Пустую), Холмъ, Старую Руссу и друг. города Россіи. (*)

Въ то время, когда побѣдитель смѣло подвигался внутрь Россіи, царь Русскій, искалъ

(*) Въ Лукахъ было главное средоточіе зимнихъ квартиръ Баторіевой арміи.

въ *Поссевинѣ* посредника къ заключенію мира. Въ 1581 году, хитрый іезуитъ получилъ отъ него уполномочіе *уступить* врагу 56 городовъ (въ томъ числѣ и Луки Великія), и хотя на этихъ условіяхъ, но заключить миръ. «Худой де миръ лучше доброй соры».

Къ счастію и спасенію Россіи, Псковъ явился незыблемымъ оплотомъ противъ надмѣнныхъ ляховъ, по выраженію лѣтописца о «стѣны сего города сокрушилась непобѣди«мость Стефанова».

6-го января 1582 года, заключенъ былъ безславный миръ, запятнавшій Іоанна IV. По этому миру, Великія Луки снова вошли подъ власть россійскихъ государей, но уже на всегда потеряли свой цвѣтущій видъ, свои богатства, свою обширность а гораздо прежде, и свое торговое значеніе.

Нынѣ только курганы, во множествѣ окружающіе городъ (*), служатъ безмолвными

(*) Они раскинуты, почти вокругъ всего

памятниками гибельнаго нашествія воеводы Седмиградскаго, и безсмертной обороны великолучанъ! Современный пѣвецъ въ слѣдующей пѣснѣ воспѣлъ оборону псковичей:

Копилъ–то король, копилъ силушку;
Копилъ–то онъ собака двѣнадцать лѣтъ;
Накопилъ–то онъ силушки: смѣты нѣтъ,
Много, смѣты нѣтъ, сорокъ тысячъ полковъ;
Накопивши онъ силы, на Русь пошелъ,
На три города, на три *стольные*,
На первый-то городъ на Полотскій,
На другой-то городъ на ***Велики-Луки***,

города, какъ напр. по Петербургской дорогѣ, близъ имѣнія Д. М. *Рокотова* (село Крестилово). Въ другую сторону, близъ сельца С. И. *Хоменки* (Гороховой боръ), далѣе по Торопецкой дорогѣ, и во многихъ другихъ мѣстахъ. Мѣстныя преданія, нѣкоторые изъ нихъ относятъ къ 1580 г. другіе къ 1611—1614. Называя ихъ вообще: «*могилами Ляховъ.*»

На третій-то на батюшку на Опсковъ градъ.
Онъ и Полотскій городъ мимоходомъ взялъ,
А Велики-Луки онъ насквозь прошелъ;
Подходилъ онъ подъ батюшку подъ Опсковъ
градъ,
Становился собака въ зеленыхъ лугахъ,
Садился онъ собака на золотъ стулъ;
Скликалъ-то онъ силушку по три дни,
По три дни, по четыре:
Мало-ли силушки убыло,
А много-ли силушки прибыло?
Убыло силушки сорокъ сотъ,
А прибыло силушки сорокъ полковъ;
Тутъ же онъ собака возрадуется;
«Охъ вы гой еси, мои скорые хожатели,
«Скорые хожатели и скорые поспѣшатели!
«Мчитесь скоро въ зеленые луга,
«Въ зеленые луга государевы!»
Посылаетъ онъ воеводу своего,
А самъ крѣпко наказываетъ:
«Бери своего коня Бахмута,
»Поѣзжай во батюшку во Псковъ градъ:

«Въ городъ въѣзжай, неспрашивай,
«Ко двору подъѣзжай, недокладывай,
«Въ палаты входи, не бей челомъ,
«Клади ярлыки на дубовы столы!»
За столами сидитъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ:
«Отдай городъ Опсковъ безъ бою,
«Безъ драки и безъ бою великаго,
«Безъ того уголовія смертнаго?
«Я на первомъ часу возьму Опсковъ градъ,
«На другіемъ часу стану чистити,
«На третьемъ часу стану столъ становить,
»Стану пить, веселиться, прохлажатися;
«Князей твоихъ, бояръ всѣхъ въ полонъ поберу,
«Донскихъ казаковъ всѣхъ подъ мечъ преклоню,
«А тебя воеводу казнить буду!»
Возговоритъ воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ:
«Блуденъ сынъ, король съ королевичемъ,
«Съ паномъ гетманомъ Хотковичемъ

«И съ великимъ конемъ вороновичемъ,
«Не отдамъ я тебѣ городъ безъ бою,
«Безъ бою и безъ драки великія,
«И безъ того уголовія смертнаго!»
Какъ со вечера ратные причащалися,
Со полуночи ружья чистили,
Ко бѣлой зорѣ, какъ куры (*) пропѣли;
Не туча съ тучей сходилася,
Не зоря со зорей сомыкалася,
Сходилися два войска, два великія.

(*) Выраженіе : «куры пропѣли» встрѣчается въ древнѣйшихъ памятникахъ Русской Словесности. Такъ въ Остромировомъ Евангельи (1057 г., изд. А. Востоковымъ. Спб. 1843 г.) читаемъ: «...И помяну Петръ «глаголы Іисусовы иже, рече ему яко *прежде* «*даже коуръ не вь зласить*, трикраты отвѣр«жися мене...»

Великолуцкіе крестьяне до селѣ говорятъ: «до пѣтуховъ, въ пѣтухи» что соотвѣтствуетъ выраженіямъ: «до куръ, въ куры».

Тутъ ѣздитъ, разъѣзжаетъ удалой доброй молодецъ,
Еще тотъ ли же воевода царевъ,
Шуйскій князь Иванъ Петровичъ:
«Кому у насъ на бою, братцы, божья помощь?»
Помогъ Богъ воеводѣ Московскому,
Шуйскому князю, Ивану Петровичу,
Побить силу королевскую;
Всѣхъ латниковъ, мновщиковъ, (?)
Кольчужниковъ, барабанщиковъ;
На силу король самъ третей убѣжалъ.
Бѣгучи онъ, собака, заклинается:
«Недай Боже мнѣ въ Руси воевать!
«Ни дѣтямъ моимъ, и не внучатамъ,
«И ни внучатамъ, и ни правнучатамъ» (*).

Въ царствованіе Ѳедора народъ русскій, по словамъ поэта: «отдохнулъ подъ властью незлобивой», но недолго продолжался этотъ отдыхъ. Появленіе Гришки Отрепьева, мнима-

(*) Сказ. Русск. Нар. Сахарова, ч. 3.

го царя Димитрія, взволновало Россію. Пламя бунта широкимъ потокомъ разлилось по всей землѣ русской.

Въ 1608 году, и нашъ городъ, въ числѣ многихъ пригородовъ Пскова и Новгорода былъ занятъ бунтовщиками, поляками и всякою сволочью; въ февралѣ 1609 года славный витязь того времени Михайло Скопинъ, въ соединеніи съ другомъ своимъ Делагардіемъ, очиствивъ Сѣверозападъ Россіи, освободилъ и Луки Великія. Но юный Шуйскій, пламенно любимый соотечественниками, погибъ отъ яда, поднесеннаго ему дочерью Малюты Скуратова, главнаго клеврета Іоанна IV.

Снова Россія ввержена была въ крамолы и усобицы.

Гришка Отрепьевъ *«подарилъ»* своей *невѣстѣ* Маринѣ Новгородское и Псковское княжества, со всѣми городами, крѣпостями и жителями, съ полнымъ правомъ продать, передать, заложить сіи земли; управлять ими самой, или чрезъ намѣстниковъ; заводить ка-

толицкіе монастыри, церкви, школы, наконецъ: буде угодно ей, приводить жителей *сихъ княжествъ* въ Римско-Католическое вѣроисповѣданіе.

Ужасная смерть Самозванца, не испугавъ искателей счастія, не утишила и Новгородъ со Псковомъ и ихъ пригородами. Искра была брошена, пожару суждено было долго не тухнуть; Новгородъ былъ занятъ шведами; подъ началомъ вѣроломнаго Делагарди, они дѣйствовали противъ Россіи; жители не знали кто у нихъ царь, одни присягали Владиславу, другіе принцу шведскому, третьи, вмѣстѣ съ полками стрѣлецкими, злодѣйствовали именемъ Тушинскаго вора. Новгородцы били псковичей, и въ свою очередь были утѣсняемы шведами; наконецъ эти утѣсненія вывели изъ терпѣнія нѣкогда могучій и гордый Новгородъ, онъ обратился съ просьбою о помощи къ литовскимъ воеводамъ: Александру Лисовскому и Андрею Просовецкому. Какъ тотъ, такъ и другой пришли по зову; расположились у Лукъ

Великихъ и стали дѣйствовать не безъ успѣха противъ шведовъ, приводя русскихъ къ присягѣ Владиславу. Четыре года гнѣздились ляхи въ псковскихъ и новгородскихъ земляхъ, грабежи и всякаго рода безчинства не прекращались. Лисовскій, по словамъ лѣтописпа: «злодѣйствовалъ, торгуя добычею разбоевъ и святотатства, пируя съ жителями, какъ съ братьями, и грабя ихъ, какъ непріятель».

Одинъ, изъ сообщниковъ Лисовскаго, русскій измѣнникъ Григорій *Валуевъ*, въ ночь на Рождество Христово 1610 года, ворвался въ городъ, напалъ въ расплохъ, на молящихся по церквамъ Великолучанъ; безоружныхъ жителей перерѣзалъ, городъ предалъ пламени! (*). Нѣсколько дней пылалъ обширный и богатый городъ, нѣсколько дней пьянствовали и развратничали на его развалинахъ поляки и русскіе измѣнники. Послѣ не описанныхъ неистовствъ Валуевъ соединился съ другимъ зло-

(*) Голиковъ ошибочно именуетъ Валуева Михайломъ.

дѣемъ *Салтыковымъ, во имя королевича Владислава* сталъ дѣйствовать противъ шведовъ.

Между тѣмъ, бѣглый яузскій дьяконъ *Исидоръ*, назвавъ себя Димитріемъ, завоевалъ: Копорье, Ямы, Гдовъ, Иванъ-городъ, взялъ Псковъ, и, гнѣздясь въ этихъ мѣстахъ, присоединилъ свои разбои, къ опустошеніямъ литовцевъ и шведовъ. Такимъ образомъ въ 1612 году, Сѣверо-Западъ Россіи былъ *размежованъ*, если можно такъ выразиться, между тремя непріятелями: на Сѣверѣ были шведы, въ срединѣ *Исидорцы*, въ южныхъ земляхъ продолжали грабить поляки.

Столбовскій миръ, заключенный въ 1617 году, освободилъ несчастную Россію отъ многочисленныхъ враговъ. Но кто не знаетъ, чего стоило ей это освобожденіе? Юный вѣнценосецъ Россіи, не могъ помириться съ мыслію, что онъ на всегда лишился городовъ, по необходимости уступленныхъ Польшѣ. Вотъ

почему Михаилъ искалъ только благопріятнаго времени снова начать войну.

Время это настало, по его мнѣнію, въ 1633 году. Новая война застала нашъ городъ въ самомъ ужасномъ положеніи. На мѣстѣ его было обширное пепелище. Кое гдѣ виднѣлись развалины домовъ, обвалившіяся валы, обожжонныя колокольни и церкви. Въ теченіе 12 лѣтъ послѣ *Валуевскаго погрома* городъ оставался пустъ. Въ 1626 году Иванъ Баратынскій, присланный въ Луки воеводою писалъ, что жители: «иные побиты, иные разбрелись по городамъ розно». По указу царскому, *лучане* были призваны изъ разныхъ городовъ, какъ-то; съ Невля, изъ Торопца, «и съ тѣхъ городовъ иманы по неволѣ на вѣчное житье, на Луки по старымъ ихъ печищамъ.» Между тѣмъ началась война. Великолучане, неуспѣвшіе, оправиться отъ ужасовъ прошедшей войны, должны были нести всѣ бѣдствія новой.

Такъ въ ноябрѣ 1633 г., вмѣстѣ съ торопчанами, они ходили *по приказу* на Литовскій

городъ Невель (*). Осеннія распутицы, голодъ, изнуреніе, породили въ русскомъ войскѣ болѣзни и уныніе; погубивъ въ походѣ больше своихъ, нежели непріятелей, россіяне воротились во свояси, куда наслѣдующій же годъ явились поляки съ огнемъ и мечомъ. Вяземскій миръ (14 іюля 1634) положилъ конецъ и этой гибельной брани; Россія уступила еще 16 городовъ! Но уже Луки, вмѣстѣ съ землями псковскими, были приведены въ ужасное положеніе: безпрерывные наборы, всякаго рода повинности, стѣсненіе торговыхъ правъ, пожары, грабежи и всякаго рода неурядицы, голодъ, взяточничества и утѣсненія отъ царскихъ намѣстниковъ, навсегда погубили Псковъ, съ исторіею коего отнынѣ тѣсно соединена исторія нашего города.

Въ 1668 году толпа польскихъ жолнеровъ

(*) Нынѣ уѣздный городъ Витебской губерніи, лежитъ въ 70 верстахъ отъ Лукъ-Великихъ.

явилась подъ городомъ, выжгла предмѣстія и, не рѣшившись осаждать крѣпость, удалилась. Съ 1668 года Великія-Луки уже не видѣли подъ своими стѣнами непріятельскія войска.

Уставной грамотой (*) царь Алексѣй Михайловичъ облегчивъ положеніе псковичей, уничтожилъ большую часть пошлинъ, крайнѣ стѣснявшихъ внутреннюю торговлю всей Россіи.

Царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, какъ намъ извѣстно, посѣщалъ два раза Луки Великія. Въ первый разъ, въ 1706 году, онъ заѣхалъ сюда изъ Торопца. Объ этомъ посѣщеніи повѣтствуетъ авторъ слѣдующаго, весьма оригинальнаго и рѣдкаго сочиненія:

(*) П. С. З. 1654 г. Апрѣля 30. Въ это время воеводою Лукъ Великихъ былъ Иванъ Григорьевичъ Плещеевъ, по прозванію Глазуновъ, одинъ изъ ближнихъ бояръ добродушнаго и правдиваго Алексѣя. Въ 1689 году, множество великолучанъ участвовали въ неудачномъ походѣ на Крымъ В. В. Голицына.

«Историческія, географическія и поли-«тическія извѣстія до города Торопца и «его округа касающіяся: собранны изъ «Россійскихъ Лѣтописей и достовѣр-«ныхъ свидѣтельствъ того же города, «Покровской церкви священникомъ Пе-«тромъ Иродіоновымъ», 1788 г. Кромѣ интереса, присущаго его изложенію и содержанію, сочиненіе г. Иродіонова имѣетъ еще то значеніе, что съ 1778 года, сколько намъ извѣстно, никто не занялся описаніемъ Торопца.

Въ первой главѣ, состоящей изъ трехъ параграфовъ, авторъ слѣдующими оригинальными выводами доказываетъ до христіанское существованіе Торопца.

«При начатіи свадебъ, дѣвки взлазя на вы-«сокія мѣста, пѣли въ недавнихъ годахъ пѣс-«ни, призывая въ помощь Ляду, Леню, По-«лелю и прочихъ (боговъ славяно-русской «миѳологіи). Къ вѣнчанію водили невѣсту «страннымъ образомъ, въ большой бобровой

«шапкѣ, треухомъ называемомъ, и въ крас«ныхъ сапогахъ. Малые дѣти ловя стрекозу «называли ее богомъ.»

«Простые люди дѣлаютъ и нынѣ нѣкото«рые примѣчанія, издревле употребляемыя. «Напримѣръ, на праздникъ Св. Іоанна Пред«течи стерегутъ восхожденіе солнца за тѣмъ, «якобы оно того утра хорошо играетъ; ска«чутъ чрезъ огонь и крапиву; приходя къ «церквамъ, слушаютъ у замка церковнаго, «ищутъ кладовъ, и упоминаютъ въ пѣсняхъ «имена древнихъ боговъ».

«На другой день, послѣ праздника Рожде«ства Христова, начинаются здѣсь ночныя по«сидѣлки, *субботками* называемыя, на ко«торыхъ дѣвицы одна выше другой садятся въ «избахъ на подмосткахъ съ возженными предъ «собою свѣчами, и, расположась такимъ обра«зомъ, поютъ пѣсни, древнимъ славянскимъ «богамъ приличныя. Въ воскресные и празд«ничные дни собираются оныя лѣтомъ на дворъ, «а зимою предъ воротами, и поютъ пѣсни, за-

«крывъ покрываломъ лицо; куда приходятъ до«вольно (много) молодыхъ людей и разговари«ваютъ съ ними *безо всякаго зазору*. Сіе «сборище называютъ здѣсь: *танцами*» (*).

Любопытенъ разсказъ о пріѣздѣ въ городъ Петра I–го.

«1706 года, Марта 17 дня» пишетъ Иродіоновъ, «царь Петръ Алексѣевичъ, проѣзжалъ нечаянно (?) чрезъ Торопецъ. О чемъ услыша собралось множество людей, которые прихода его величества съ несказанною радостью ожидали. Его величество, въѣхавъ сюда Егорьевскими воротами, приказалъ остановиться противъ соборной Богородицкой церкви. При вступленіи въ оную, встрѣтилъ его величество, Троицкаго Небина монастыря архимандритъ Германъ, со всѣмъ градскимъ свя-

(*) Торопчанки, средняго сословія, до сихъ поръ носятъ стариннорусскіе наряды кофточки, кичко образный жемчужный головной уборъ, фату и юбку высоко подвязываемую.

щенствомъ, съ крестомъ и кадилами, и вшедши въ церковь началъ молебствіе. Во время отправленія онаго, за многолюдствомъ и тѣснотою, стоялъ его величество съ пѣвчими на правомъ крылосѣ. Въ сіе же время Торопецкой ратуши бургомистръ Гаврило Туфановъ (*) чрезъ Торопецкаго же, тогда бывшаго коменданта Антона Алексѣева, докладывалъ государю, что наряженные отъ города для подставы ямщики съ лошадьми укрылись въ Стрѣлецкой слободѣ, откуда онъ самъ собою опасаясь стрѣльцовъ, которые ихъ защищаютъ, и не рѣдко въ городѣ многіе наглости причиняютъ, сыскать не въ состояніи былъ. Почему его царское величество приказалъ, коменданту Алексѣеву, послать на нихъ команду, которою ямщики

(*) Строитель Покровской церкви, богатѣйшій купецъ гор. Торопца, умеръ въ 1777 году, велъ при жизни торговлю съ нѣмцами, голландцами, англичанами и даже китайцами.

тотчасъ сысканы и къ должности своей доставлены».

Послѣ обѣда государь осматривалъ Торопецъ, «примѣчая удобство къ новому укрѣпленію онаго», при отъѣздѣ въ ноги ему упала старуха; но послушаемъ разсказъ самого автора: «старуха, купеческая вдова, упала къ ногамъ его величества, слезно прося о распечатаніи ея дому. Государь, выслушавъ ея просьбу, спрашивалъ о ней у коменданта Алексѣева, который объявилъ: это де старуха, мать тѣхъ двухъ братьевъ, Торопецкихъ купцовъ, Сергѣя да Василья Музиныхъ, кои по нѣкоторому важному дѣлу, взяты въ *Преображенскій* приказъ, а домъ ихъ и пожитки арестованы и запечатаны. Государь велѣлъ распечатать и пожитки отдать. За тѣмъ сѣдши въ *возокъ*, отправился въ Великія-Луки а съ дороги прислалъ, добавляетъ Иродіоновъ, г. Плещеева, съ объявленіемъ: всѣмъ гражданамъ, своего царскаго благоволенія, и для взятія коменданта Алексѣева

къ себѣ, по дошедшимъ на него многимъ жалобамъ; который (Алексѣевъ), веденъ будучи подъ арестомъ, неподалеку отъ своей отчины, упросилъ завести себя въ оную, и тамъ скоропостижно умеръ».

Нѣтъ сомнѣнья, что мысль *о приказѣ Преображенскомъ* заставила Торопецкаго коменданта наложить на себя руки, а кто не знаетъ что такое былъ приказъ Преображенскій?

«Извѣстія» оканчиваются слѣдующими, весьма наивными, замѣчаніями:

«Дворяне здѣшніе, говоритъ авторъ, мало упражняются въ экономіи (хозяйствѣ), а больше въ обращеніи съ сосѣдними фамиліями (т. е. ѣздятъ по гостямъ). Крестьяне по большей части бѣдны и непроворны; большая часть ихъ деревень съ худымъ распорядкомъ. Городскіе же жители, по большей части, средняго росту и крѣпкаго сложенія, хотя умножившаяся роскошь не мало ослабила уже составъ ихъ тѣла; обходительны и учтивы, любятъ праздность

и всякія веселости; къ чему здѣсь много выдумали способовъ, которые ихъ прихоти удовлетворяютъ. Лѣтомъ, въ нѣкоторые извѣстные дни, выходятъ они почти всемъ городомъ въ поле и гуляютъ тамъ разнымъ образомъ (?). У женскаго полу, въ великомъ презрѣніи пьянство, (не поздоровится отъ этакихъ похвалъ), и большаго дѣла не имѣется, кромѣ попеченія о исправленіи домашней экономіи. Одѣваются они въ русское платье, и ходятъ покрывшись большими фатами. Дѣвицы, когда изъ дому выходятъ, закрываютъ лицо покрываломъ (чего нынѣ не дѣлаютъ) и никогда безъ пужды (?) не ходятъ въ церковь».

Надѣюсь, что читатель не упрекнетъ насъ за длинное отступленіе, изъ признательности за ознакомленіе его съ городомъ Торопцомъ, съ его жителями, его географомъ, политикомъ и историкомъ.

Съ 1700 по 1720 годъ, Луки, вмѣстѣ съ Псковомъ и другими городами, по близости

своей къ рубежамъ Россіи, несли всѣ тягости упорной и продолжительной борьбы Петра съ сѣвернымъ героемъ; въ возмездіе за это, побѣдитель Карла XII-го далъ псковичамъ и великолучанамъ льготу: исключительной торговли въ Нарвскомъ портѣ. Но въ 1720 году Екатерина I–я уничтожила ее; а устроеніе во Псковѣ и Лукахъ Великихъ заставъ и таможетъ, для воспрепятствованія провоза чрезъ эти города контробандныхъ товаровъ, вмѣстѣ со взятками и притѣсненіями чиновниковъ, окончательно убили оживавшую торговлю.

Иложивъ важнѣйшія событія, исторіи Великихъ – Лукъ, считаемъ необходимымъ представить историческій очеркъ *управленія*, какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ его земляхъ.

Еще въ X вѣкѣ Ольга, объѣзжая свои владѣнія, учредила въ нихъ *погосты*, т. е. раздѣлила всѣ земли на округи; въ каждомъ изъ нихъ было назначено, главное селеніе или погостъ. Погосты въ языческой Руси имѣли

значеніе сборныхъ пунктовъ для мірскихъ сходокъ, сбора войскъ и проч. Съ веденіемъ христіанства здѣсь были построены приходскія церкви, причемъ попрежнему главныя селенія назывались погостами. *На погостахъ* вѣдались всѣ села, сельцы и деревни, находящіеся въ предѣлахъ округа. Дѣлами погоста *заправлялъ* староста, выборный человѣкъ отъ міра. Онъ собиралъ подати, разлагалъ по семействамъ повинности *земскія*, наблюдалъ за порядкомъ въ селеніяхъ, давалъ знать народу о распоряженіяхъ правительственныхъ и проч.

Съ теченіемъ времени извѣстное число погостовъ подчинилось *стану*. Становыми дѣлами вѣдалъ *приказчикъ*. Онъ управлялъ съ помощью подвластныхъ ему старостъ, *цѣловальниковъ* и *лучшихъ волостныхъ людей*. Приказчикамъ поручалось въ послѣдствіи: «всякіе государевы денежные доходы собирати, и всякія дѣла вѣдати и крестьянъ судити и управу межъ нихъ чинити и крестьянъ на пустые

выти называти и погосты полнити и крестьянъ отъ стороннихъ людей беречи.»

Подобный порядокъ управленія *погостовъ* и становъ существовалъ отъ XIV до XVIII вѣка. Въ Великолуцкомъ уѣздѣ, въ XVII и въ первой половинѣ XVIII, было 12 становъ. Назывались они именами главныхъ своихъ погостовъ: 1) Станъ Подгородній-Спасо-Никольскій, 2) Лупецкій, 3) Слауницкій. 4) Сельчицкій, 5) Плайскій, 6) Городскій, 7) Горожанскій, 8). Хрянскій, 9) Миритиницкій, 11) Дунянскій и 12 Михайловскій (*). Большіе населенные участки, подвѣдомственные имъ, назывались *волостями*. Таковыхъ было шесть: 1) Спасо-Никольская, 2) Вязовская Дворцовая. 3) Плавецкая-Жижецкая, 4) Озерицкая, 5) Казариновская и 6) Черныхъ селъ. Каждая изъ *волостей* имѣла свое подраздѣленіе на *штины* или *шестины*. Въ

(*) Нынѣ уѣздъ раздѣляется на три стана.

каждой шестинѣ вѣдалъ дѣлами особый староста.

Въ станахъ были *съѣзжіе дворы*, въ нихъ *площадные подъячіе*. Очень часто за недостаткомъ грамотныхъ людей письменными дѣлами на съѣзжихъ дворахъ занимались попы, дьяконы, дьячки. А въ послѣдствіи Стрѣлецкихъ полковъ подъячіе. Дѣла разбирались судьями, послѣдніе были или товарищами городскаго воеводы или же выбирались *изъ именитыхъ людей* жителей стана; въ станѣ завѣдывали сборами войскъ съ погостовъ. Сборными пунктами служили *выставки*, послѣднія назывались именами сотскихъ и десятскихъ. Позже *выставки* замѣнились *заставами*. Главный начальникъ войскъ, собранныхъ *на заставѣ*, былъ *заставной голова*.

Что касается до управленія въ городѣ, то въ теченіи XII, XIII и XIV вѣка, принадлежа Новгородской народной державѣ, городъ имѣлъ у себя намѣстниковъ, присылаемыхъ изъ Новгорода, иногда, какъ мы видѣли, бы-

ли въ Лукахъ и уѣздные князья подчиненные Новгородскому князю.

Но какъ тотъ, такъ и другой смотрѣли только за порядкомъ, за сборомъ *дани*, однимъ словомъ имѣли власть чисто полицейскую. Разъ въ годъ, и именно въ Петровъ день, пріѣзжалъ въ городъ *именитый* гражданинъ Великаго Новгорода, для выслушанія жалобъ недовольныхъ намѣстникомъ, и для рѣшенія важнѣйшихъ мѣстныхъ дѣлъ. Во всемъ же остальномъ великолучане судились своимъ судомъ; по звуку *вѣчеваго колокола*, висѣвшаго на Воскресенской башнѣ, собирались они на *вѣче*; рѣшали дѣла, говорили о общественныхъ нуждахъ, о мѣрахъ къ предупрежденію той или другой опасности.

Съ начала XV вѣка всѣ Ногородскія владѣнія составляли пять обширныхъ областей или *пятинъ*, подчиненныхъ пяти *концамъ* города, но не всѣ земли Новгородскіе входили въ составъ пятинъ, только *ближайшія*, составлявшія ядро новгородскихъ владѣній были подчи-

нены городскимъ концамъ. Земли же у *Студенаго* (Бѣлаго) моря, по рѣкѣ Онегѣ, Двинѣ и далѣе къ Востоку, а также Бѣжичи, Торжекъ, Ржевъ, Великія Луки и ихъ земли не принадлежали пятинамъ.

Почему же нашъ городъ былъ, такъ сказать, *выгороженъ* изъ новгородскихъ *пятинъ*? Для отвѣта на этотъ вопросъ необходимо вспомнить исторію Лукъ: въ продолженіе конца XIV, всего XV и начала XVI столѣтій городъ былъ спорнымъ пунктомъ, его выжигали литовцы, грабили псковичи, жгли новгородцы. Его же отдавали в. к. московскому, на него имѣлъ притязанія король польскій. Подобное положеніе не дозволяло городу примкнуть къ числу коренныхъ новгородскихъ пригородовъ; завися первоначально отъ Новгорода, Луки въ концѣ XVI столѣтія, *какъ-кажется* (*), получили полную независимость отъ управленія новгородскаго, войдя въ составъ государства Московскаго.

(*) Выраженіе Неволина.

Въ 1708 году Петръ раздѣлилъ Россію на 8 губерній, къ нимъ росписаны были всѣ города. По этой росписи, Луки Великія, вмѣстѣ съ Новгородомъ, Псковомъ, Тверью, въ числѣ 26 другихъ городовъ, составили *третью* т. е. *Ингерманландскую* губернію, съ главнымъ городомъ С. Петербургомъ.

Въ 1719 г., Луки Великія сдѣланы городомъ «провинціальнымъ», съ приписью къ нему Торопца. Полковникъ Яковъ Лукичъ *Постельниковъ* назначенъ былъ великолуцкимъ воеводою и комендантомъ.

Въ 1772 году Екатерина II, раздѣлила земли, пріобрѣтенныя отъ Польши, на 2 губерніи: Псковскую и Могилевскую. Въ составъ первой, кромѣ волостей Царства Польскаго, вошли русскіе города. Въ числѣ четырехъ провинціальныхъ городовъ этой губерніи, были и Луки Великія.

Въ 1777 году составлено Псковское намѣстничество, съ главнымъ городомъ Псковомъ, и 10 уѣздами: 1) Псковскій, 2) Островскій,

Опочецкій, 4) Пусторжевскій (повелѣно было наименовать городъ *Новоржевомъ*, который и основать на берегахъ рѣки *Сореты*, на большой дорогѣ изъ Пскова въ Луки), 5) Великолуцкій 6) Торопецкій, 7) Холмскій, 8) Порховскій, 9) Луцкій и 10) Гдовскій. (*) Какъ изъ Пскова, такъ и изъ Великихъ Лукъ, были выведены крѣпостные гарнизоны, въ слѣдствіе чего назначили туда городничаго.

Съ 1807 года, началась война, долженствовавшая возвеличить Россію и низвергнуть великаго Наполеона. Псковское дворянство, на ряду съ другими, употребляло всѣ усилія къ доставленію способовъ вынести эту тяжкую борьбу; оно сформировало 8 дружинъ ратниковъ; всей губерніей пожертвовано было до 16 милліоновъ рублей.

(*) Въ 1781 году повелѣно было: «Великимъ Лукамъ имѣть *старый гербъ*. Въ красномъ полѣ три золотые большіе лука.»

Усердіе псковичей было замѣчено благодушнымъ императоромъ Александромъ. Въ грамотѣ, отъ 31 декабря 1808 года, писалъ онъ псковскому дворянству: «Всѣмъ извѣстно съ «какою ревностью и усердіемъ благодарное «Россійское дворянство по воззванію нашему «подвизалось въ образованіи *Земскаго* войска. «Знаменитые опыты единодушнаго его содѣй«ствія, въ лѣтописяхъ общественныхъ дѣяній, «всегда пребудутъ незабвенны, и къ чести «Россійскаго имени, вмѣстѣ съ памятью проис«шествій, пройдутъ къ позднѣйшему потом«ству.»

Между тѣмъ, указомъ отъ 1 февраля 1812 года, опредѣлены были штаты губерніямъ; на основаніи ихъ, *Псковская губернія*, съ главнымъ городомъ Псковомъ, составлена была изъ 8 уѣздовъ: 1) Псковскаго, 2) Островскаго, 3) Опочецкаго, 4) Новоржевскаго, 5) Великолуцкаго, 6) Торопецкаго, 7) Холмскаго и 8) Порховскаго.

Въ лѣтописяхъ народной войны, Луки Ве-

ликія извѣстны заключеннымъ въ нихъ союзомъ Россіи съ Испаніею. Въ ту страшную годину, когда все шло подъ знаменами Наполеона, когда тронъ новаго завоевателя Европы окружали короли, герцоги и владѣтели всевозможныхъ владѣній, Россія и Испанія ополчали противъ врага всѣхъ, отъ мала до велика. Общая цѣль, общее дѣло естественно вело къ дружескому союзу. Онъ и былъ заключенъ 8 іюля 1812 года, близъ города Великихъ Лукъ, на станціи Сеньковѣ (*). Трактатъ былъ подписанъ съ нашей стороны государственнымъ канцлеромъ, графомъ *Румянцовымъ*, со стороны же Испанскаго короля, Фердинанда VII, дономъ Франциско *де Зеа-Бермудеза*.

И въ нынѣшнюю, тяжкую годину, (1853—1855), годину суровыхъ испытаній, ниспосланныхъ на Россію, псковское дворянство соревновало другимъ губерніямъ, и теперь нашъ му-

---

(*) Въ 28 верстахъ по большой спб. дорогѣ.

жикъ несъ послѣдній грошъ, въ пользу воиновъ умиравшихъ тысячами на стѣнахъ Севастополя!

Отчеты различныхъ вѣдомостей могутъ свидѣтельствовать о томъ, до какихъ громадныхъ цифръ дошли эти *добровольныя приношенія*. Подобно 1812 году, псковичи составили по уѣздамъ дружины ратниковъ; подобно 1812 году, нашему «*Земскому войску*» не суждено было: ни состязаться на полѣ брани съ кичливымъ врагомъ, ни выйти за предѣлы своего уѣзда.

ОЧЕРКЪ ВЕЛИКОЛУЦКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ТОРГОВЛИ; ПРЕЖНЕЕ ТОРГОВОЕ ЗНАЧЕНІЕ ГОРОДА; ПРЕЖНЯЯ ЕГО ОБШИРНОСТЬ. ВЕЛИЧИНА НАСЕЛЕНІЯ ВЪ РАЗНЫЕ ГОДЫ ДВУХЪ ПОСЛѢДНИХЪ ВѢКОВЪ. ОПИСАНІЕ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЗДАНІЙ, И ЦЕРКВЕЙ; ГОРОДСКАЯ КРѢПОСТЬ. ВЗГЛЯДЪ НА НЫНѢШНЕЕ СОСТОЯНІЕ ГОРОДА.

Участіе Лукъ-Великихъ въ торговлѣ Ганзейскаго союза благотворно дѣйствовало на развитіе его благосостоянія и богатства. Этимъ участіемъ объясняется необыкновенное богатство великолучанъ. Лѣтописцы, неоднократно разсказываютъ, съ какою жадностію польскія войска расхищали городскія сокровища, съ какою жаждою корысти измѣнники русскіе шли впереди грабителей.

Вспомнимъ также всѣ обстоятельства покоренія Новгорода. Для народной державы, рѣшался послѣдній вопросъ: *быть* или *не быть*. И она, въ видѣ дара искупленья, за дорогую ей свободу, предложила завоевателю Луки Великія. Не въ правѣ ли мы послѣ этого сказать, что нашъ городъ былъ драгоцѣннѣйшимъ, самоцвѣтнымъ камнемъ, въ ряду волостей и пригородовъ республики? Иначе, осмѣлился ли бы богатый Новгородъ предложить его владѣтелю сокровищь всея Руси?

Въ торговыхъ оборотахъ съ *нѣмцами*, главными предметами сбыта великолучанъ и новгородцевъ были: кожи, пенька, мѣха, ленъ, воскъ, медъ и тому подобные мѣстные продукты, въ замѣнъ которыхъ получали они: соль, сельди, тонкія сукна, золото и серебро, во множествѣ привозимое иноземцами.

Однимъ изъ очевидныхъ фактовъ доказывающихъ минувшее богатство города, могутъ служить клады, находимые близъ Лукъ-Великихъ. Обратимъ вниманіе на важнѣйшую, въ подоб-

номъ родѣ, находку: въ 1802 или 1803 году, въ четырехъ верстахъ отъ города, на высокомъ берегу Ловати, пастухи, рывшіе песокъ, нашли: сперва одинъ небольшой котелъ серебряныхъ монетъ, потомъ другой, вдвое большій. При поднятіи послѣдняго, часть монетъ разсыпалась и упала въ воду.

Не смотря на это, оставшееся серебро вѣсило отъ 8 до 9 пудовъ. Найденныя монеты принадлежали IX, X и XI вѣкамъ; и по догадкѣ г. Савельева были достояніемъ какого нибудь именитаго гражданина Новгородской державы, современника Ярополка или Владиміра.

Впрочемъ, принадлежали ли эти деньги одному лицу, капиталисту своего времени, или это былъ складъ цѣлой артели торговыхъ людей, какъ это утверждаетъ г. Егуновъ, въ обоихъ случаяхъ подобныя находки, краснорѣчивѣе всякихъ сказаній, повѣствуютъ о богатствѣ нашего города въ древній періодъ русской исторіи. Скажемъ, кстати, о мѣстѣ находки. Въ

четырехъ верстахъ отъ города, вверхъ по Ловати, за сельцомъ *Микулинымъ*, возвышенный берегъ, скалистымъ мысомъ вдается въ рѣку, образуя полуостровъ. Площадь его занимаетъ не болѣе 40 саженъ; гора представляетъ, какъ бы природную, крѣпость, подымающуюся на десять саженъ надъ водою.

Недалеко отъ нея излучистая рѣчка *Колтенка* впадаетъ въ Ловать; мѣстоположеніе превосходно: видъ на Ловать, на бѣлѣющій вдали городъ, съ его стрѣльчатыми колокольнями, съ высокими валами крѣпости, безподобный. Издавна находили на этомъ красивомъ уголкѣ земли, между бороздъ пахоти, черепки разныхъ сосудовъ, ножи, подковы, копьецы, кольцы, кресты. Доселѣ видны здѣсь слѣды небольшаго колодца. Что здѣсь было жилье, въ томъ нѣтъ сомнѣнья, это видно изъ самаго названья: *городище*. Но чье было это жилье? Одни называютъ его *городищемъ княжьяго двора*, другіе, по преданію, увѣряютъ, что здѣсь жили дѣти славнаго богатыря Луки, лихаго разбой-

ника и сказочнаго основателя нашего города. Какъ бы то ни было, только молва о богатыхъ кладахъ изъ рода въ родъ переходила между мѣстными жителями. Еще въ началѣ XVIII столѣтія, по словамъ преданья, приходили изъ Литвы *нѣкіе, безвѣстные* люди съ подробными описями великолуцкихъ кладовъ; часто видали ихъ по ночамъ роющихся въ курганахъ; не слыхать, чѣмъ кончились эти розыски. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ребятишки стали находить въ пескѣ *«княжьяго городища»* серебрянные кружки, *слѣпыя,* т. е. стершіеся отъ времени, деньги. Такихъ кружковъ набралось много, ихъ начали продавать, и за семь гривенъ можно было достать цѣлый ковшикъ. До отечественной войны, т. е. *«до раззореннаго года»,* найдено было, по словамъ преданія, до 50 пудовъ. Въ томъ числѣ былъ кладъ, описанный г. Савельевымъ; изъ того же числа до 8 пудовъ серебра купила игуменья женскаго

монастыря и сдѣлала крестъ, чашу и ризу на престольный образъ (*).

Изъ всего сказаннаго можно судить о древнемъ богатствѣ нашего города. Въ отношеніи промышленности, онъ также занималъ не послѣднее мѣсто въ ряду городовъ Россіи: жители его, вмѣстѣ съ жителями Новгорода и Пскова, издревле славились ремеслами и всякими художествами; этихъ городовъ: каменьщики, стѣнщики, ломцы, рѣзчики, иконописцы, серебрян-

---

(*) Къ этому же времени относится слѣдующее преданье: «двое мужичковъ нашли небольшой котелокъ денегъ. Счастливцы рѣшились подѣлиться драгоцѣнной находкой, и скрыть ее отъ полиціи, «а то, говорили они, налетятъ орлы, и поминай какъ звали.» Но лукавый вмѣшался въ дѣлежъ сметливыхъ крестьянъ. Они заспорили, подрались и разошлись съ тѣмъ, чтобъ донести другъ на друга. «Налетѣли орлы» забрали въ свои когти находку, *а для справокъ*, пока ее, изъ любви къ нумизматикѣ, разбирали по карманамъ, обоихъ крестьянъ продержали *въ сибиркѣ.*»

ныхъ дѣлъ мастера и стекольщики извѣстны были по всей землѣ Русской.

Будучи богатымъ, древній пригородъ господина Новгорода, былъ въ тоже время и обширенъ. Деревянные домики его, соборы и церкви, окружая городскую крѣпость, далеко выбѣгали впередъ во всѣ четыре стороны.

Народное преданіе сохранило намъ указанія на рубежи, въ предѣлахъ которыхъ лежалъ городъ, до наплыва на него поляковъ. Къ сожалѣнію, указаніямъ этимъ нельзя довѣрять, въ противномъ случаѣ городъ нашъ простирался на 20 верстъ! Такъ по Петербургской большой дорогѣ протягивался онъ на 10 верстъ, отъ крѣпости до *Кислаго* озера. Въ противоположную сторону городъ выходилъ на двѣ версты за нынѣшнюю Торопецкую заставу (*). Нако-

---

(*) Небольшая, деревянная часовня, доселѣ еще служитъ, по словамъ преданія, указаніемъ мѣста, до котораго доходили съ этой стороны городскія строенія.

нецъ въ третью сторону деревня Ѳ. Д. Кутузова (Максимовское въ 7 верстахъ) была форштатомъ Лукъ-Великихъ.

Нынѣ городъ имѣетъ въ окружности не болѣе 10 верстъ.

Уничтоженіе Ганзейскаго союза, присоединеніе Новгорода съ его пригородами къ Московской державѣ, вотъ первые и сильные удары, нанесенные великолуцкой торговлѣ. Вслѣдъ за ними въ пожарѣ 1580 года, въ грабежахъ и безпорядкахъ 1600 годовъ, невозвратно погибло все его величіе, его политическое и торговое значеніе. Городъ былъ стертъ съ лица земли, въ теченіе двѣнадцати лѣтъ на мѣстѣ его чернѣлось обширное пепелище.

Въ началѣ царствованія Михаила, многіе изъ жителей Невля и Торопца, а также нѣкоторые изъ Донскихъ и Яицкихъ казаковъ, поселены были «*на Лукахъ-Великихъ*». Государь водворилъ ихъ на берегахъ Ловати, и далъ каждому казаку по работнику: «*на всякую нужду и потребу.*»

Въ I-й главѣ мы видѣли, въ какое бѣдственное состояніе приведенъ былъ городъ пожарами, опустошеніями, безпрерывными наборами, податями, пошлинами. Царь Алексѣй уничтожилъ большую часть пошлинъ и откуповъ. Въ грамотѣ, изданной по сему случаю, превосходно обрисовано жалкое состояніе тогдашней торговой и промышленной дѣятельности: «Всякихъ чиновъ люди, сказано въ грамотѣ, въ вотчинахъ и помѣстьяхъ проѣзжія пошлины берутъ, и мостовщины сами держутъ, и на откупы отдаютъ; и тѣ откупщики, враги Богу и человѣкамъ, немилосердіемъ превосходятъ прежнихъ окаянныхъ мытарей и прочихъ злодѣевъ. Сами сидя *по мытамъ и по мостамъ*, на дорогахъ берутъ съ товаровъ, съ проѣздовъ по мостамъ, и вопреки указамъ *емлютъ лютоворовски, и примѣтыгаются къ проѣзжимъ торговымъ и всякихъ чиновъ людямъ, своимъ злымъ умысломъ напрасно*, многихъ задерживаютъ, многихъ вовсе непускаютъ. Многіе отъ сихъ золъ обѣднѣли, нищими межь

дворовъ скитаются, на торгахъ безторжица, вездѣ великіе убытки, податей брать не накомъ, службы нести некому; а откупщики и мытчики ненавистными откупами богатѣютъ, въ скверныхъ прибыткахъ теряютъ всякую милость и состраданіе къ бѣднымъ. Грабя народъ, они думаютъ, что служатъ государю. Въ злодѣйствѣ своемъ забывая Христа, берутъ пошлины съ судовъ, съ грузу, съ людей плывущихъ, съ саней, съ телѣгъ, на гостинныхъ дворахъ, съ рыбныхъ складовъ, съ складовъ въ лавки, въ погреба, въ бочки; съ сусла, съ конопляннаго масла, съ коровьяго масла, съ ветчины, льду, золы, мыла, лаптей, свечь, смолы, дегтя, уголя, рогозъ, шлей, хомутовъ, съ солодорощеній, съ воскобоень (*).

(*) Къ этой достопамятной грамотѣ, хранящейся въ Великолуцкомъ городовомъ магистратѣ, въ ковчегѣ, приложена на шнуркѣ, сплетенномъ изъ бѣлаго и краснаго шелка, красная, большая, восковая печать, изображающая съ одной стороны: двуглаваго орла,

Царь Алексѣй Михайловичъ уничтожилъ почти всѣ сборы съ поименованныхъ предметовъ, и подъ страхомъ «смертной и непрощаемой казни» запретилъ возобновлять такіе «*любопронырскіе промыслы.*»

Но ни благія мѣры царя Алексѣя, ни льготы, въ послѣдствіи дарованныя Петромъ I, ничто не могло возвратить городу его торговаго значенія, ничто не возбудило предпріимчивости великолучанъ. Въ послѣдствіи предпріимчивость эта направлена была на незаконныя дѣла. Вмѣстѣ съ торопчанами, великолучане занялись контробандою.

Пользуясь близостію города къ Западной, того времени, границѣ Россіи, и положеніемъ его на большомъ С.-Петербургскомъ трактѣ, горожане смѣло дѣйствовали въ семъ опасномъ

съ другой всадника, поражающаго копьемъ змѣя. На подлинной написано: «записать въ книгу. Подалъ Луцкой таможенный Михайло Хлѣбниковъ».

промыслѣ; смѣлость эта сдѣлалась извѣстна по всей границѣ; преданія народа понынѣ передаютъ намъ много сказаній о безстрашныхъ великолуцкихъ контробандистахъ. Ничто не могло остановить, ничто неунимало ихъ. Учрежденіе въ городѣ таможень и заставъ императрицею Елисаветою, преслѣдованія и притѣсненія таможенныхъ чиновниковъ, раззоривъ городъ *«въ конецъ»*, не прекратили противозаконную торговлю.

Только въ послѣднюю половину царствованія Екатерины II, съ перенесеніемъ Западной границы въ средину литовскихъ земель, контробандная торговля сама собой ослабѣла и уничтожилась. Въ настоящее время намъ еще удавалось слышать разсказы стариковъ; съ юношеескимъ пыломъ говорили они о своихъ подвигахъ въ шайкахъ контробандистовъ великолуцкихъ и торопецкихъ.

Такъ постепенно падала торговля нашего города, въ тщетныхъ усиліяхъ, какъ законныхъ, такъ и незаконныхъ, остановиться на пути паденія,

остановиться, снова окрѣпнуть и подняться надъ окрестными городами. Но усилія эти остались тщетными попытками. Городъ низошелъ до чреды уѣздныхъ городовъ Россіи, не замѣтныхъ въ современномъ состояніи, славныхъ прожитыми вѣками.

Перечислимъ различные заводы и магазины, находившіеся въ Лукахъ и въ Великолуцкомъ уѣздѣ съ 1829 по 1856 годъ включительно (*):

На *кожевенныхъ* заводахъ выдѣлывается въ годъ товару, по послѣднимъ извѣстіямъ, на сумму 74,440 руб. серебромъ, тридцать лѣтъ назадъ выдѣлывалось на 123,105 руб. серебр.; на *щетинныхъ* на 52,600 руб. серебр., прежде на 76,900 руб. серебр. на *свѣчныхъ* на 3,960 руб. серебр., прежде на 3700 руб. серебр.;

(*) См. 1-ю таблицу въ приложен. къ 2-й глав. Считаемъ нужнымъ, замѣтить, что мы не ручаемся за *вѣрносшь* и *точность* нѣкоторыхъ цифръ. Мы мало имѣли подъ рукой вполнѣ достовѣрныхъ источниковъ.

на *кирпичныхъ* на 607 руб. серебр., прежде на 393 руб. серебр.; на *синельныхъ* на 849 руб. серебр., прежде на 1000 руб. серебр. (*) *Винные* заводы выдѣлывали на 30,000 руб. серебр.

Главная промышленность города: выдѣлка на упомянутыхъ заводахъ кожъ, юфти и щетины, которыя преимущественно сбываются въ С.-Петербургъ, Москву и Ригу; но эта, нѣкогда важная отрасль торговли, нынѣ замѣтно упала.

Еще въ началѣ прошлаго вѣка, великолучане, имѣя до 60 заводовъ, возили свои произведенія въ Рижскій, Ревельскій и Нарвскій порты; нынѣ же, уменьшивъ число заводовъ до $^1/_5$, закрывая ихъ съ каждымъ годомъ, они торгуютъ только привозными изъ столицъ красными и колоніальными товарами, притомъ

(*) Городничему Великихъ Лукъ мы обязаны, не многими свѣдѣніями о состояніи города за 1856 годъ. Долгомъ считаемъ поблагодарить Л. К. Шульгина за его содѣйствіе и вниманіе къ нашему труду.

исключительно для мѣстнаго употребленія. Продажа кожъ производится на окрестныхъ ярмаркахъ. Отвозъ яблокъ въ С.-Петербургъ составляетъ не маловажную отрасль великолуцкой торговли. Такимъ образомъ весь торговый ежегодный оборотъ города не превышаетъ 500 тысячъ рублей; городской доходъ, по отчетамъ 1833 года, равнялся 4331 руб. сереб. а въ 1843 году не превышалъ 3500 руб. серебр. За послѣдніе годы свѣдѣній не имѣемъ.

На всѣхъ заводахъ *только* обдѣлываются сельскія произведенія. Продажа и покупка послѣднихъ производится на мѣстныхъ ярмаркахъ. Важнѣйшія изъ нихъ въ городѣ: *сборная* въ 1-е воскресенье Великаго поста, привозъ товаровъ на 3200 руб. серебр., продается на 3000 руб. серебр.; на *Ильинской* въ Ильинскую пятницу привозится на 4867 руб. серебр.; продается на 4000 руб. серебр.; на *Рождественской* 24 декабря, привозится на 5264 руб. серебр.; продается на 5100 руб. серебр.; наконецъ на *Сергіевской* 25 сентября, при-

возится на 12,500 руб. серебр., продается на 8,483 руб. серебр. Преданіе говоритъ, что въ XV и XVI столѣтіяхъ, въ Лукахъ жили какіе-то татарскіе князья; доселѣ ручей, текущій у *Дятлинскаго* острова, въ городѣ, называется *Мурзинымъ* ручьемъ. Одна изъ улицъ также называется *Мурзинскою*. Тоже преданье говоритъ, что на *Сеньковской* улицѣ, при въѣздѣ въ городъ, былъ обширный гостинный дворъ, въ которомъ торговали восточные купцы.

Великолуцкій уѣздъ, растянутый на 125 верстъ въ длину и 80 въ ширину, имѣетъ весьма неправильную фигуру. Съ Востока къ нему примыкаютъ: *Холмской* и *Торопецкой* уѣзды. Съ Юга *Торопецкой* и *Невельской*. Съ Запада *Опочевской* и *Новоржевской*. Съ Сѣвера *Новоржевской* и *Холмской*. Въ прежнія времена, вдоль западной и южной границы нашего уѣзда, возвышался валъ съ глубокимъ рвомъ. Набѣги литовцевъ и поляковъ вызывали оборонительныя мѣры. У пого-

стовъ *Бутитино* и *Раменья* доселѣ еще видны слѣды этихъ укрѣпленій.

Пространство земли, занимаемой нашимъ уѣздомъ, заключаетъ въ себѣ 572,317 десятинъ. Въ этомъ числѣ пахотныхъ земель 170,503 десятины, подъ сѣнокосами 170,948 дес., подъ лѣсами 24,492 дес., подъ рѣками, озерами, болотами 200,000 дес., подъ дорогами, селидьбою и выгонами 4,954 дес., общаго владѣнія 754,219.

Мѣстоположеніе Псковской губерніи только въ южной ея части, именно въ нашемъ уѣздѣ, довольно возвышено, къ сѣверу Великолуцкой уѣздъ постепенно понижается, и у погоста *Низовичи* вытягивается въ длинные низкіе луга: это *Низы*. Горы нашего уѣзда, достигающія у погоста *Борокъ* наибольшей высоты, принадлежатъ къ Валдайскимъ горамъ, вѣтви Алаунской возвышенности.

Число жителей въ уѣздѣ, относительно пространства, весьма незначительно. Недостатокъ

рукъ въ сельскихъ работахъ весьма ощутителенъ.

Семилѣтнюю дѣвушку посылаютъ на господскую работу *въ подпаски*; 8-милѣтній мальчикъ возитъ навозъ, боронуетъ, нерѣдко работаетъ на ряду съ взрослыми. Одиннадцатилѣтній — исправляетъ всѣ работы. Слѣдствія всего этого очевидны: вотъ почему наши простолюдины крайнѣ хилы, малорослы, часто уродливы. Добавьте сюда бѣдность, неряшество великолуцкихъ крестьянъ, и вы поймете причину большой смертности между ними.

Нѣчего и говорить, что грамотныхъ у насъ, я говорю о Великолуцкомъ уѣздѣ, почти нѣтъ. Ихъ мало даже и между *дворовыми*.

Нельзя не замѣтить, что самая работа, при всей тяжести ея исполненія, почти невознаграждаетъ крестьянина.

Въ самомъ дѣлѣ, взглянемъ на цифры: при воздѣлываніи одной десятины подъ рожь среднимъ числомъ употребляется рабочихъ силъ:

Конныхъ упряжныхъ, мужскихъ 16 дней

Пѣшихъ мужскихъ	4	—
Пѣшихъ женскихъ	15	—
Итого	35	

Положивъ затѣмъ стоимость коннаго упряжнаго дня 40 коп. серебр., пѣшаго мужскаго 25 коп. серебр., воздѣлываніе одной десятины подъ рожь, съ уборкой и молотьбой, обходится 9 рублей 60 коп. серебромъ. Прибавя стоимость дровъ для топки овина, будетъ кругомъ 10 рублей серебромъ. Принимая урожай ржи, за исключеніемъ сѣмянъ, около 32 четвериковъ, по средней цѣнѣ за четверть 5 руб. серебр., выйдетъ чистаго доходу съ десятины, засѣянной рожью, 10 руб. серебр. Почти въ такомъ же отношеніи находится обработка десятины овса съ прибылью, получаемою отъ него. Воздѣлываніе одной десятины льна обходится около 14 рублей, и приноситъ чистаго доходу около 12 рублей.

Все сказанное достаточно показываетъ, какъ мало вознаграждается крестьянинъ нашъ за свои посильные труды, въ теченіе круглаго года.

Не имѣя возможности ходить на заработки, оставаясь дома, весьма немногіе крестьяне доживаютъ до весны на своемъ хлѣбѣ; большая часть безъ помощи господина не могутъ прожить до весны, не могутъ засѣяться, и всегда остаются въ долгу у барина. Эта безвыходмость положенія и есть причина вялости, лѣности равнодушія нашего крестьянина. Бѣдность его невольно бросается въ глаза. На каждую ревизскую душу въ уѣздѣ въ среднемъ числѣ приходится: лошадей 0,7, рогатаго скота 0,2, овецъ 0.4, свиней 0,3, крупнаго скота 0,9, мелкаго 1,3.

При этомъ ничтожномъ количествѣ скота, великолуцкій крестьянинъ нерѣдко принужденъ продавать его, ибо ему нечѣмъ платить подушную и другія подати. Птицеводство тоже не въ завидномъ положеніи; оно едва хватаетъ на домашнія потребности крестьянина. Пища его: хлѣбъ, лепешки, молоко, *пустые* щи, толокно и квасъ. Говядину онъ видитъ на своемъ столѣ только въ большіе праздники, сви-

нины вовсе незнаетъ. Пчеловодство ничтожно: самые богатые крестьяне имѣютъ не болѣе 10 колодъ. Огородничество также незначительно, крестьяне не имѣютъ времени заниматься имъ, почему произведенія огородовъ едва удовлетворяютъ ихъ домашнимъ потребностямъ. Огородами занимаются преимущественно подгородные жители, причемъ получаютъ съ десятины до 50 руб. серебромъ. Лѣса великолуцкіе довольно значительны, мѣстами попадаются большія дубовыя рощи, есть даже, такъ называемыя, *корабельныя*.

Продажею лѣса занимаются помѣщики; господскіе крестьяне пользуются имъ не иначе, какъ съ разрѣшенія барина.

Вотъ почему постройка крестьянская находится въ жалкомъ положеніи. Подъ избицъ нѣтъ, хаты *курныя*, внутри сырость, вонь, ужасное неряшество.... На кровати спятъ грязныя ребятишки, остальные помѣщаются кое-гдѣ. Настилая солому въ хлѣва, хозяевамъ нерѣдко самимъ ея не хватаетъ.

Въ такомъ состояніи великолуцкій крестьянинъ естественно не можетъ заняться промысломъ, кромѣ предметовъ только *первой необходимости*. Они дѣлаютъ телѣги, сани, разную деревянную посуду, ободья, полозья, дуги, земледѣльческія орудія, рѣшета, дерутъ лыка и жгутъ уголь; даже деготь почти всегда покупаютъ.

Изъ казенныхъ крестьянъ, только жители *Вязовской* волости отличаются предпріимчивостью. Послѣ полевыхъ работъ, они съ коробками разныхъ мелочныхъ товаровъ расходятся въ Смоленскую, Витебскую, Тверскую, Петербургскую и Новгородскую губерніи; проходятъ даже въ Олонецкую и Архангельскую. На эти товары вымѣниваютъ они щетину, послѣднюю же сбываютъ преимущественно великолуцкимъ купцамъ.

Что касается до помѣщиковъ, то они живутъ зажиточно и хорошо, немногіе изъ нихъ занимаются винокуреніемъ, другіе продаютъ лѣсъ, ленъ, зерновой хлѣбъ, все это въ доволь-

помъ числѣ, свозятъ въ Холмъ, а оттуда по Ловати доставляютъ въ С.-Петербургъ, либо изъ Торопецкаго уѣзда хлѣбъ отправляютъ въ Ригу. При хорошихъ урожаяхъ, въ одинъ Невель отправляютъ они ржи и овса на 25,000 руб. серебр., кромѣ всего этого, рогатый скотъ, говядина, свинина, птицы, коровье масло, медъ, фрукты — отсылаются въ Новоржевъ, Петербургъ и Старую Русу. Ловать есть главный путь, по которому сплавляютъ барки съ хлѣбомъ, плоты лѣсовъ и проч. Вытекая изъ болотъ Витебской губерніи, Суражскаго уѣзда, близъ мѣстечка Усвята, она только въ 20 верстахъ отъ границы Холмскаго уѣзда дѣлается судоходною; выше же къ Лукамъ имѣетъ множество пороговъ и только въ *полую* весеннюю воду можно сплавлять по ней плоты.

Изъ другихъ рѣкъ: *Великая*, вытекая недалеко отъ города близь *Вязовской* волости, изъ озера *Вязенетскаго*, протекаетъ въ нашемъ уѣздѣ небольшимъ ручьемъ, и только пройдя Витебскую губернію дѣлается судоход-

ною. Изъ рѣчекъ только *Кунья* и *Локня* годны для сплава дровъ. Не смотря на отсутствіе водяныхъ безопасныхъ и удобныхъ сплавовъ, площадь уѣзда въ изобиліи надѣлена водою. Кромѣ множества ручьевъ и рѣчекъ, въ уѣздѣ насчитываютъ до 100 озеръ разной величины (*).

Говоря о водахъ, нельзя не разсказать слѣдующаго открытія въ нашемъ уѣздѣ минераль-

---

(*) Чтобы дать понятіе о сухопутныхъ путяхъ сообщенія Великолуцкаго уѣзда, о нашихъ проселочныхъ дорогахъ, приводимъ отрывокъ изъ извѣстія о нихъ 1838 года. «Дороги Великолуцкія болѣе похожи на из-«вилистыя, подъ прямымъ угломъ, подобныя «зикзагамъ змѣе-образныя, широкія тропины, «самымъ временемъ отъ вѣковой хольбы и «ѣзды образовавшіяся, но рукъ человѣче-«скихъ тамъ не бываетъ, грѣхъ смертный «назвать ихъ дорогами». Все сказанное въ 1838 году имѣетъ мѣсто и буквальное приложенье въ 1857.

ныхъ источниковъ. Въ 1830 году докторъ Гейнрихсенъ, вмѣстѣ съ аптекаремъ великолуцкимъ Стебутомъ, нашли подлѣ имѣнья покойнаго Н. Г. Алексѣева, въ густомъ лѣсу, озерко 6 саженъ ширины и 20 саженъ длины. Глубина воды не превышаетъ 2 аршинъ. По мѣрѣ приближенія къ водѣ, запахъ гнилыхъ яицъ все болѣе и болѣе усиливается. Надъ озеромъ всегда видѣнъ туманъ сѣрно-водороднаго газа. Поверхность воды подернута плеснеобразною плевою, плавающіе въ ней кусочки дерева пропитаны сѣрою. Изъ озера бѣжитъ извилистый ручей въ сосѣднее болото и тамъ теряетъ свое свойство. Аптекарь Стебутъ дѣлалъ опыты надъ водою: наполнялъ ею бутылку, при чемъ вода сохраняла прозрачность и всѣ свойства сѣрной ключевой воды; но при соединеніи съ воздухомъ изъ нея немедленно выдѣлялся сѣрноводородный газъ, и оставшаяся вода вмѣстѣ съ прозрачностью теряла свои свойства.

При купаньѣ въ озерѣ, на тѣлѣ выступаетъ

сыпь въ родѣ *краснухи*, но безъ зуда; по выходѣ изъ воды чувствуешь необыкновенную свѣжесть и легкость. Мужики издавна, по словамъ Гейнрихссна, пользовались цѣлительными свойствами, какъ этаго, такъ и сосѣдняго подобнаго же источника. Въ 1816 году торопецкій помѣщикъ Ш...... жилъ подлѣ озера и пользовался его водами.

Всѣ эти извѣстія мы заимствуемъ изъ Псков. Губ. Вѣдом. 1840 года. Только 10 лѣтъ спустя по открытіи, напечатана была статья доктора Гейнрихсена. Чѣмъ увѣнчались его изслѣдованія и представленія начальству «*о устроеніи минеральныхъ Сопенскихъ водъ*»—не знаемъ. Мы не имѣли возможности видѣть озеро и провѣрить справедливость опытовъ гг. Гейнрихсена и Стебута.

До нашествія поляковъ, вообще въ до петровскомъ своемъ существованіи, Луки Великія, по числу жителей, безъ сомнѣнія соотвѣтствовали пространству и той роли, какая выдавалась имъ въ борьбѣ за независимость съ

литовцами, ливонцами и поляками. Съ упадкомъ значенія города, стала уменьшаться и цифра его населенія. (*)

О числѣ всякаго рода зданій, какъ въ гор., такъ и въ уѣздѣ, намъ извѣстны сл. цифры: (**)

Нынѣ въ Лукахъ 11-ть церквей; всѣ онѣ каменныя:

Троицко-Сергіевъ мужской, 3-го класса монастырь, красиво расположенъ на мысѣ, образуемомъ рѣчками *Коломенкою* и *Ловатью*. О времени основанія обители не имѣется точныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что монастырь существовалъ въ цвѣтущій періодъ исторіи Великихъ Лукъ. Раззоривъ городъ, въ 1408 г., король Литовскій Витольдъ сжегъ деревянную постройку Троицко-Сергіевской обители.

Въ половинѣ XVI вѣка *Боголѣпъ*, монахъ Космодіанской обители, возстановилъ ее съ помощью городскихъ жителей. Несчастія, которымъ подвергался городъ, какъ-то, пожары, опу-

(*) Прилож. къ 2-й гл. таб. II и III. (**) Табл. IV.

стошенія, грабежи, и тому подобныя бѣдствія естественно отражались и на монастырѣ, но всякой разъ, когда туча, грянувшая надъ городомъ, проносилась далѣе, граждане, движимые благочестіемъ, возобновляли свою святыню. Въ 1705 году, *Іовъ*, митрополитъ Новгородскій и Великолуцкій, построилъ въ монастырѣ каменную церковь во имя *Живоначальной Троицы*.

До штатовъ 1764 года, были приписаны къ нему въ пособіе 3 монастыря; крестьянъ за нимъ считалось 305 душъ. Настоятельство было: строительское, нынѣ игуменское; въ началѣ же XVII столѣтія было архимандритское.

Нынѣ въ монастырѣ состоитъ: 4 монаха, 6 послушниковъ и служителей. Игуменъ, уважаемый прихожанами, дѣятельно заботится о улучшеніи построекъ монастырскихъ; подъ его вѣдѣніемъ выстроено зданіе для духовнаго училища, исправлена церковь и проч. Изъ достопамятностей монастыря замѣчательны: 1) частица мощей св. Сергія, находящаяся въ ковчегѣ на престолѣ главной церкви. 2) Образъ Бого-

матери съ греческою надписью: «Надворотная икона Иверской Божіей матери.» 3) Серебряный крестъ съ мощами, принадлежавшій Ефросиньѣ, княжнѣ Полоцкой. Кромѣ того, находится еще портретъ императрицы Екатерины II, нарисованный на правой стѣнѣ главной церкви. Изображеніе это, находясь въ полуторѣ сажени отъ полу, обнесено деревянной вызолоченной рамкой, съ деревянной же вызолоченной сверху короной.

Во время путешествія въ Крымъ (въ 1780 году), Екатерина II, на обратномъ пути изъ Бѣлоруссіи, заѣхала въ Луки. Въ ожиданіи пріѣзда «*матери отечества*», мѣстный живописецъ нарисовалъ ея портретъ.

7-го іюня государыня слушала въ монастырѣ литургію. Не знаемъ видѣла ли она оригинальное проявленіе вѣрноподданническихъ чувствъ жителей, но по отбытіи изъ города пожаловала на церковъ 1000 руб. серебр., и на братію 200. Приводимъ слова, написанныя внизу портрета на церковной стѣнѣ:

«Лѣта отъ сотворенія міра 7288 года, а

«отъ Рождества Христова 1780 года іюня 6-го
«дня ея императорское величество, всемило-
«стивѣйшая государыня императрица Екатери-
«на Алексѣевна всероссійская, во время пред-
«пріятія высочайшею ея особою въ Бѣлорус-
«скія мѣста путешествія, благоволила всеми-
«лостивѣйше высочайшимъ своимъ посѣщеніемъ
«обрадовать градъ нашъ Великія-Луки, гдѣ
«во вновъ построенномъ для ея величества двор-
«цѣ и обнощевать соизволила, а на другой день
«іюня 7-го числа, въ праздникъ Св. Пятиде-
«сятницы, въ той день случившейся, посѣтила
«высокомонаршимъ благоволѣніемъ св. обитель
«сію, множественнымъ народомъ сопровождаема,
«а при входѣ въ оную обитель ея император-
«ское величество встрѣчаема была оныяжъ
«обители игуменомъ Парѳеніемъ Дураковскимъ
«краткою рѣчью и благоволила въ оной обите-
«ли слушать божественную литургію, которая
«въ высочайшемъ ея величества присутствіи
«отправляема была помянутымъ игуменомъ со-
«борнѣ, и для возобновленія оныя всемилости-

«вѣйше пожаловать соизволила на ограду 1000 «руб.; да особо монастырю 200 руб. А по «возвращеніи изъ оной въ помянутый дворецъ, «откушавъ, соизволила тогожъ іюня 7-го числа «въ третьемъ часу по полудни, при пушечной «пальбѣ, предпріять путь свой къ царствую-«щему граду С.-Петербургу.»

Пріѣзду императрицы предшествовали большія приготовленія. Между прочимъ, епархіальное начальство разослало по всѣмъ городамъ подробныя инструкціи священнослужителямъ; имъ предписывалось: «въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ будетъ проѣзжать государыня, наистрожайше наблюдать въ платьѣ и въ прочемъ благопристойную опрятность и чистоту, а притомъ, чтобъ были трезвы и въ должностяхъ исправны и никтобъ изъ нихъ никакими просьбами не дерзалъ утруждать ея величество.» При служеніи литургіи, приказано «было имѣть просфоры изъ чистой муки и хорошо выпеченными; встрѣчать императрицу на дорогѣ, въ лучшихъ ризахъ и эпитрахиляхъ, съ крестомъ на блюдѣ,

съ кадиломъ и свѣчею въ подсвѣчникѣ, въ кадило ладона класть немного. При встрѣчахъ въ церквахъ *ученый* протопопъ, либо священникъ, долженъ былъ сказать привѣтствіе, пристойное вожделенному случаю; рѣчь должна была быть *сколь можно* короче и яснѣе.»

Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ въ Опочкѣ, не нашлись *ученые* протонопы, почему и были туда присланы *таковые ученые* изъ Псковской семинаріи.

На главной городской площади возвышается: *Вознесенскій дѣвичій* 3-го класса монастырь.

До 1611 года, на его мѣстѣ, стоялъ *Ильинскій* мужской монастырь; его выжегъ русскій измѣнникъ Валуевъ.

Спустя 70 лѣтъ, великолучане выстроили на пепелищѣ (въ 1685 году) *Вознесенскій* дѣвичій монастырь; первоначальная его постройка была деревянная. Нынѣшняя каменная красивая церковь, съ каменной же оградой, воздвигнута въ 1741 — 1751 годахъ. Монастырь крестьянъ не имѣлъ, игуменское настоятельство учреж-

дено въ немъ съ 1765 года. Замѣчательнаго въ немъ нѣтъ ничего.

Набѣги литовцевъ, поляковъ и русскихъ хищниковъ въ 1611 — 1634 годахъ уничтожили множество великолуцкихъ монастырей. Преданія сохранили имена нѣкоторыхъ:

Марипчельскій–Успѣнскій муж. мон., нынѣ приходская церковь Марипчельской волости, на озерѣ Марипчелѣ, въ 20 верстахъ отъ города.

Кулюбацкій–Успѣнскій муж. мон., нынѣ приходская церковь Кулюбацкой волости.

Серебряницкій муж. мон., на мѣстѣ его деревня тогожь имени.

Рыжковскій муж. мон., въ деревнѣ того же имени.

Жижецкій.

Настицкій, нынѣ приходская церковь.

Дворицкій, нынѣ приходская церковь Новоржевскаго уѣзда.

Чирокскій и другіе.

Въ настоящее время въ Великолуцкомъ уѣздѣ не имѣется ни одного монастыря.

Въ городѣ были: *Ильинскій* муж., нынѣ *Вознесенскій* дѣвичій монастырь.

Введенскій жен. мон., нынѣ приходская церковь.

Егорьевскій жен. мон. находился при *Покровской* церкви, что нынѣ на лѣвомъ берегу Ловати, у моста.

Никольскій муж. мон., нынѣ соборная церковь.

Кромѣ двухъ монастырей, Луки имѣютъ въ настоящее время два собора. Изъ нихъ *Воскресенскій* соборъ съ придѣломъ «*Всѣхъ скорбящихъ*» заложенъ Петромъ I, въ 1692 году. Соборъ имѣетъ два образа, присланные изъ Москвы: «государями и великими князья-«ми Петромъ и Іоанномъ: на распространеніе «и улучшеніе города — дважды раззореннаго «въ конецъ поляками.» Одинъ изъ нихъ: «*Пресвятыя Владычицы Владимірскія Божія матери*», другой «*государскихъ ангеловъ.*»

Ловать, развѣтляясь въ городѣ, протекаетъ двумя руслами саженей полтораста; послѣ чего, снова сливаясь, образуетъ островъ, неизвѣстно почему названный *Дятленскимъ*. На островъ и съ острова, обстроеннаго деревянными домиками, перекинуты два моста. Здѣсь еще со временъ Іоанна Грознаго былъ поселенъ Стрѣлецкій полкъ, который, подобно другимъ полкамъ, водвореннымъ во Псковѣ, Торопцѣ и иныхъ городахъ, имѣлъ особую слободу. Памятникомъ пребыванія стрѣльцовъ на *Дятлинкѣ* осталась каменная красивая церковь, *Спаса Преображенія*. Недавно купецъ Сафоновъ украсилъ ея куполъ высокимъ деревяннымъ шпицомъ, обитымъ жестью.

Кстати о развѣтленіи Ловати на два русла. Мѣстное преданіе гласитъ, что Баторій, подступя къ крѣпости и видя упорство *Лоскарева*, рѣшился отвесть рѣку и, лишивъ гарнизонъ воды, въ тоже время перейти по старой ложбинѣ: «яко по суху.» Но, Ловать, говоритъ народное сказанье, разсердилась на дерзкихъ

ляховъ, надулась, взволновалась и, сломавъ плотину, пошла пѣнясь и надуваясь по обѣимъ ложбинамъ. Какъ извѣстно, Ловать была въ старь столь полноводна, что по всему ея теченію свободно плавали въ Ильмень, — озеро — *водовики* — нынѣ же она до того измельчала, что лѣтомъ во многихъ мѣстахъ ее переходятъ, въ бродъ. Народное сказанье говоритъ что мельчать Ловать начала съ 1707 года. Въ этомъ году царь Петръ посѣтилъ Луки, пробылъ здѣсь два дни (18—19 октября) и Ловатью отправился въ Новгородъ. «Отплылъ царь батюшка говоритъ народъ,» и зачала мелѣть рѣка Ло-«вать великая.»

Изъ девяти часовень, находящихся въ уѣздѣ на мѣстахъ, въ старь занимаемыхъ церквами, одна, стоящая въ 40 верстахъ отъ города по большой Петербургской дорогѣ, замѣчательна слѣдующимъ преданіемъ. Она стоитъ надъ колодцемъ весьма чистой, зимой теплой, лѣтомъ холодной воды. Въ часовнѣ виситъ явленный образъ Николая чудотворца.

Преданіе такъ говоритъ о явленіи *чудотворной* иконы: при походѣ россійскихъ войскъ въ Пруссію въ 1757 году, большая часть изъ нихъ проходила по великолуцкой большой дорогѣ; однажды одинъ солдатъ, крайнѣ утомленный, отдѣлившись отъ идущей колонны, остановился и сталъ искать въ кустахъ ручейка, чтобы напиться; къ крайнему удивленію, онъ увидѣлъ небольшой образъ Николая. Солдатъ приподнялъ его и родникъ свѣтлой воды заклокоталъ на семъ мѣстѣ. Служивый, говоритъ преданье, упалъ на колѣни и, видя предъ собой *чудо*, далъ обѣтъ, по окончаніи войны и полученіи отставки, построить здѣсь часовню и постричься въ монахи.

Война кончилась, солдатъ, получивъ отставку, выстроилъ часовню и поступилъ въ монастырь; народъ доселѣ вѣруетъ въ святость и цѣлебность воды колодца и всякій проѣзжающій считаетъ долгомъ напиться изъ него, помолиться иконѣ и опустить что нибудь въ поставленную кружку.

Въ городѣ обращаютъ на себя вниманіе остатки старинныхъ укрѣпленій. Въ прежнія времена Луки были обнесены высокимъ земляныимъ валомъ, съ глубокимъ рвомъ. Валъ этотъ начинался у *Троицо-Сергіева* монастыря, близь устья р. Коломенки и тянулся весьма неправильною линіею до озера, что противъ *Казанскаго* кладбища. У Казанскаго кладбища онъ снова продолжался и, обхватывая другую половину города, расположенную на правомъ берегу, кончался у бульвара. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ означенной линіи еще видны холмы и рвы старинныхъ укрѣпленій (*).

Валъ былъ двѣ сажени высоты и двѣ сажени ширины; на всемъ протяженіи его гребня былъ уставленъ высокій и толстый частоколъ — *острогъ* По угламъ и у въѣздовъ высились

(*) Нѣкоторыя изъ послѣдующихъ свѣдѣній заимствуемъ изъ записокъ покойнаго Великолуцкаго уѣзднаго врача *С. В. Черпьевскаго*. Отрывки изъ его любопытныхъ,

деревянныя башни съ бойницами. На правомъ берегу были ворота: *Верховскіе*, *Словутскіе*, *Антоньевскіе*, *Выдринскіе*, *Смоленскіе*, *Низовскіе*. На лѣвомъ: *Литовскіе* или *Бутитинскіе*, *Окопскіе*, *Воскресенскіе* или *Псковскіе*, *Горицкіе*, *Перекопскіе* (за Пятницкой церковью) и *Сергіевскіе* (за Троицкимъ монастыремъ).

Внутри укрѣпленія находилась цитадель или *Кремль*; онъ занималъ югозападный уголъ крѣпости. Первоначально Кремль состоялъ изъ частокола или дубоваго тынника. Каждое бревно имѣло до 10 дюймовъ въ діаметрѣ; всѣ они были крѣпко соединены между собою. Въ XIV или XV столѣтіи выстроены были на мѣсто частокола деревянныя стѣны съ тыномъ, наклонно вбитымъ въ землю во рву. Стѣны обстрѣливались съ 12 деревянныхъ башенъ,

---

нерѣдко весьма наивныхъ записоаъ о Лукахъ— раскиданы въ «Пск. Губ. Вѣд.» съ 1838 по 1848.

расположенныхъ по угламъ. Окружность Кремля ровнялась 503 саженямъ. Каждая изъ башенъ была въ *два боя*, т. е. въ два этажа, *съ шатромъ*, т. е. чердакомъ и лѣстницами. Обширнѣйшими изъ нихъ были: *Воскресенская* шестиугольная и *Спасская* четвероугольная, каждая въ 16 саженъ ширины. Въ такомъ видѣ цитадель эта встрѣтила атаку Баторія.

Въ ночь съ 4 на 5 октября 1680 года, деревянный Кремль сгорѣлъ до тла. «Посадскіе и служилые люди» вновь его выстроили; при чемъ поставлены были двойныя деревянныя стѣны, съ насыпанною внутри землею. Башни были возобновлены въ прежнемъ видѣ, при чемъ удержали прежнія названія, а именно: *Воскресенская* (при ней отводная въ захабѣ), *Покровская*, *Егорьевская*, *Троицкая*, *Никольская*, *Успѣнская*, *Дубовая*, *Благовѣщенская*, *Пятницкая*, *Макарьевская*, *Спасская* (при ней отводная въ захабѣ) и *Михайловская*. По прежнему же *Спасская*

и *Воскресенская* были наибольшими башнями и находились при въѣздныхъ воротахъ. На Воскресенской висѣлъ *вѣчевой колоколъ*; по звуку его собирались великолучане на мірскія сходки, а впослѣдствіи сходились для слушанія царскихъ грамотъ; звонъ на Воскресенской башнѣ давалъ знать и о приближеніи непріятеля, о общей опасности. До сихъ поръ въ народѣ существуетъ выраженіе *«забить въ осадъ»* т. е. поднять тревогу.

Въ крѣпости были слѣдующія постройки: соборъ св. *Николы чудотворца*, храмъ *Преображенія Господня*. Далѣе дворъ государевъ, казенный амбаръ зелейной: а въ немъ государева казна: зелье, свинецъ, ядра и пушечной всякой запасъ; на томъ же дворѣ 8 житницъ съ государевымъ хлѣбомъ, воеводскій дворъ; у Воскресенскихъ воротъ караульня, стрѣлецкая изба и сѣни, съѣзжій дворъ, приказная изба, тюремный дворъ, и нѣсколько обывательскихъ домовъ. Въ крѣпости же находилось озерко, сохранившееся до сихъ поръ.

Каждое сословіе въ *городѣ* жило отдѣльными слободами: *боярскія дѣти* и *дворяне*, имѣли дома близь нынѣшняго уѣзднаго училища, вся эта часть города до сихъ поръ называется *Красною* или *Красною лукою*, и нынѣ здѣсь живутъ преимущественно дворянскія фамиліи. На *Дятленскомъ* островѣ имѣли слободу Стрѣльцы. За церковью Покрова—*Пушкари*, у Троицкаго монастыря жили *Казаки*, у *Мурзинскаго* ручья — люди торговые, здѣсь же жили иноземцы. Противъ Казанскаго кладбища, у *Козьяго брода*, селились *посадскіе* и *служилые* люди; за валомъ тянулись *ямскія* слободы.

Нынѣшній видъ, крѣпость получила въ началѣ XVIII столѣтія. Петръ, послѣ Нарвскаго пораженія, дѣятельно занялся укрѣпленіемъ западной границы, слабо защищенной отъ вторженія Карла XII. Въ числѣ другихъ городовъ, государь обратилъ вниманіе и на Луки-Великія. Сюда былъ присланъ *Леонтій Магницкій*, съ планомъ новой земляной крѣпости.

По разбивкѣ плана на мѣстности, *помѣщичьи* крестьяне приступили къ работѣ; общій присмотръ за ними порученъ былъ инженеру, *нѣмцу Ивану Васильевичу*, главный надзоръ за работами имѣлъ генералъ Семенъ Григорьевичъ *Нарышкинъ.* Въ 1704 году крѣпость была построена. Она составляетъ неправильный шестиугольникъ, состоящій изъ шести бастіоновъ съ равелинами. Высота вала непревышала 10 саженъ, нынѣ валы до половины осыпались. Названія бастіоновъ сохранились прежнія: *Инженерный*, *Антоніевскій*, *Боярской*, *Неплюевскій*, *Корьяновскій*, *Кропотовскій*. Кропотовъ былъ первымъ комендантомъ и воеводою новой крѣпости. Въ 1708 году ее вооружили и снабдили военными запасами.

Ловать съ передняго фаса, и большое озеро съ праваго, омываютъ подошвы нашей крѣпости. Задняя и лѣвая ея стороны окружены глубокими и широкими рвами; они еще недавно (въ 1805—1807), по разсказамъ стариковъ,

были наполнены водою; нынѣ съ сухаго дна свободно поднялись высокія березы, ивы и липы, подъ тѣнью которыхъ пасутся *комендантскія* (*) коровы и лошади, да гогочутъ городскіе гуси; озеро отдѣлилось отъ рѣки большимъ перешейкомъ, валы обваливаются, осыпаются; и на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дрались жители 1580 и 1600 годовъ, нынѣ инвалидный колѣка безбоязненно сажаетъ капусту да засѣваетъ картофель.

Внутри крѣпости прежде всего обращаетъ вниманіе церковь, но о ней мы говорили; подлѣ подымается двухъ этажное, чистое каменное строеніе; это городская тюрьма, при входѣ въ нее тяжелый смрадъ охватываетъ грудь вашу; въ маленькихъ каморкахъ сидятъ, по пяти, шести даже семи человѣкъ....

Кромѣ острога, внутри крѣпости находятся

(*) Комендантомъ называется поручикъ инвалидной команды.

пять или шесть каменныхъ сводчатыхъ, полуразвалившихся подваловъ; на ихъ крышахъ пробивается зеленая трава и подымаются березовые кусты. Это пороховые погреба и кладовыя, служившія въ XVIII в. мѣстами складовъ воинскихъ принадлежностей. Въ одномъ изъ нихъ, вмѣстѣ съ мукою, обувью и другими годными и негодными вещами инвалидной команды, хранится Великолуцкій архивъ. Безжалостное время уничтожило большую половину груды бумагъ, въ безпорядкѣ брошенныхъ на каменной сырой полъ. Съ терпѣніемъ рылись мы въ полуистлѣвшей кучѣ, но къ сожалѣнію, кромѣ длинныхъ дѣлъ, съ пришитыми справками, отношеніями, инструкціями, приказаніями, донесеніями и заключеніями (послѣднихъ мало), ничего не нашли интереснаго (*).

(*) Недалеко отъ крѣпости, близь дома генеральши П. Г. Ла—ой, стоялъ еще въ 1800 годахъ большой деревянный домъ, построенный на случай пріѣзда императрицы Екатерины

Въ другомъ зданіи иногда устраиваютъ городской театръ для благородныхъ спектаклей.

Въ крѣпость ведутъ двое, каменныхъ, вдѣланныхъ въ валъ, воротъ. Одинъ изъ этихъ входовъ прикрытъ полуразвалившимся траверсомъ.

Къ сторонѣ Ловати, до сихъ поръ видны слѣды *тайника*, подземнаго корридора, спускавшагося нѣкогда къ рѣкѣ; чрезъ него осажденные ходили за водой.

Въ этомъ же фасѣ, въ валъ вдѣланы каменные, сводчатые, корридоры съ бойницами, обращенными къ рѣкѣ; до сихъ поръ вмѣстѣ съ картофелемъ и овощами арестантовъ, лежатъ здѣсь ядра, картечъ, ручныя гранаты и бомбы: по калибру и формѣ они принадлежатъ началу XVIII столѣтія. Видъ съ крѣпостнаго

II-й (1780). Зданіе это, называвшееся Екатерининскимъ Дворцомъ, сгорѣло въ 1807 г., вмѣстѣ съ грудами весьма старинныхъ бумагъ, хранившихся въ подвалѣ.

вала на волнистую мѣстность, усѣянную маленькими домиками и церквами, покрытую зеленѣющимися густыми садами, на Ловать, падающую шумными каскадами съ плотинъ, тамъ и сямъ ее перерѣзывающихъ, дѣйствительно неподражаемый. Съ восторгомъ любуешься имъ при восходѣ или закатѣ солнца, съ наслажденіемъ вдыхаешь въ себя, свѣжій ароматъ весенняго воздуха!

И въ городѣ такъ тихо, такъ все мирно, лишь изрѣдка простучитъ почтовая телѣга, пронесется таратайка становаго, либо съ громомъ прокатится всѣмъ извѣстная карета городничаго.

Но оставимъ валъ, спустимся въ городъ и по *Петербургской* улицѣ (Невскій проспектъ города Великихъ-Лукъ) отправимся къ Ловати; аптека съ двуглавымъ орломъ на воротахъ, сѣрое длинное зданіе семью окнами угрюмо смотритъ на улицу. Тротуаровъ и фонарей городъ не имѣетъ (*).

(*) По словамъ Великолуцкаго поэта:

Остановимся. Передъ нами высокій деревянный домъ; это уѣздное училище. Войдите, все чинно; не скажу чисто; и *профессоръ,* дремлющій въ креслахъ, и ученики въ грязныхъ сапогахъ съ подбитыми глазами, или неумытыми физіономіями, все какъ слѣдуетъ. Въ мезонинѣ библіотека изъ 4 шкаповъ, изъ нихъ съ гордостію и самодовольствіемъ выглядываютъ грамматики и азбуки *Греча*, учебники *Кайданова*, «*Описаніе Россіи*» Ѳаддея Булгарина «*во всевозможныхъ отношеніяхъ*» и тому подобные *знаменитыя произведенія* не менѣе *знаменитыхъ* авторовъ.

Но далѣе: переходите Ловать по деревянному мосту, передъ вами торговая площадь, на ней амфитеатръ каменныхъ зданій; какъ то: гостинныхъ рядовъ, присутственныхъ мѣстъ,

---

Всякій знаетъ что въ Лукахъ,
Пытка просто, мостовая.
Что ходить тамъ ночью страхъ!
Что фонарь тамъ вещь пустая.

богадѣльня, выстроенная В. И. Семевскимъ; почтовая контора, трактиръ, магазинъ и проч. Все это увѣнчивается большимъ зданіемъ Вознесенскаго Дѣвичьяго Монастыря.

На лѣвомъ берегу (вымощенномъ къ рѣкѣ булыжникомъ), лѣпится бульваръ, усаженный ивами; подъ тѣнью ихъ, во всякое время года лежитъ непроходимая топь, либо грязь, либо снѣгъ. Бульваръ ведетъ къ большому каменному дому купца *Невлеинова.* Домъ этотъ принадлежитъ къ достопамятностямъ города. Въ немъ неоднократно останавливались императоры Александръ I-й и Николай I-й. У хозяйки до сихъ поръ хранятся нѣсколько подарковъ, полученныхъ отъ путешественниковъ. Еще лѣвѣе, и предъ вами центръ заводской дѣятельности города, отсюда идетъ рядъ кожевенныхъ заводовъ, тѣснящихся другъ къ другу вдоль низменнаго, въ семъ мѣстѣ, берега Ловати. Захотѣли подняться на гору—предъ вами новый бульваръ? Нѣтъ, виноватъ, по словамъ великолуцкаго поэта:

Эта. . . . пародія бульвара
Онъ скорѣй бросаетъ въ жаръ,
Чѣмъ бы защищать отъ жара!

Послѣднее обстоятельство не мѣшаетъ любоваться чистотою улицъ, ярлычками съ надписями ихъ названій, прибитыми къ углу каждой улицы, каждаго двухъ саженнаго, не проѣзднаго переулка...

Зайдемъ въ богадѣльню: она устроена на 30 кроватей и тутъ все чисто, даже старухи просятъ «на стоптавшіеся лаптишки» болѣе изъ привычки, нежели изъ необходимости. В. И. Семевскій, дѣдъ автора настоящихъ замѣтокъ, еще въ 1788 г. построилъ каменный домъ для богадѣльни. Въ 1826 положено было для нея въ банкъ 2000 рублей ассигнаціями: процентами съ этой суммы содержалась богадѣльня. Въ послѣдствіи надзоръ за ней былъ въ крайнемъ небреженіи. Бѣдныхъ не кормили, не одѣвали, въ домѣ было холодно и сыро. До чего простирались запущенія можно видѣть изъ слѣдующаго: въ 1833 году изъ 35 дѣтей.

оставленныхъ на призрѣніе богадѣльни, 30 умерло. Изъ 4-хъ стариковъ, поступившихъ въ нее, 3-е скончалось отъ холода и голода.

Въ 1840 году губернское начальство обратило вниманіе на эти злоупотребленія. Генералъ-губернаторъ предложилъ А. Д. Т......й главный надзоръ за призрѣніемъ великолуцкихъ бѣдныхъ. Въ пользу ихъ сдѣлана была подписка; на собранныя деньги, послѣ молебна: данъ былъ великолуцкому дворянству обѣдъ; дамы, руководимыя А. Д. Т.....й, показали особенное рвеніе на пользу неимущихъ. Они вызвались по очереди дежурить въ богадѣльнѣ и смотрѣть за порядкомъ и чистотою.

Но на обѣдѣ и на благородныхъ стремленіяхъ всѣ подвиги остановились.

Если нынѣ богадѣльня находится въ сносномъ положеніи то этимъ, ни какъ не обязана красавицамъ нашего города.

Войдете ли въ городскую больницу, сдѣланную на 40 кроватей, и тамъ: «больные, не «походятъ на кузнецовъ, какъ обыкновенно

«они лежатъ по домашнему въ будни», въ «*Ревизоръ*» Гоголя, все опрятно, воздухъ неиспорченъ, въ каморахъ просторно, больные одѣты. Видя все это оставляешь «шутки тонъ» и говоришь отъ души: хорошъ городокъ Луки *Великія*. Хвала и честь его властямъ, его заботливой *знати*, его мирнымъ гражданамъ.

Кромѣ клуба и театра, великолуцкое общество имѣетъ еще публичный садъ, разведенный на 200 квадратныхъ саженяхъ. Садъ довольно тѣнистъ, чистъ, имѣетъ качели и тому подобныя забавы. Въ воскресные лѣтніе и весенніе дни здѣсь играетъ музыка г—жи Ма—й.

Среднее торговое сословіе подобно тому, какъ въ большой части уѣздныхъ городовъ Россіи (за исключеніемъ Ржева, Осташкова и нѣкот. другихъ), не имѣетъ общественныхъ удовольствій.

Неподражая дворянамъ въ похвальномъ, оно, *къ стыду своему*, перенимаетъ отъ нихъ внѣшній лоскъ, безъ внутренняго разумнаго

содержанія, такъ напр. ни одной купеческой дѣвушки или женщины вы не встрѣтите здѣсь въ русскомъ старинномъ платьѣ, подобно тому, какъ увидите это во Ржевѣ, Торопцѣ и другихъ мѣстахъ. Всѣ они щеголяютъ въ безсмысленныхъ шляпкахъ и *нѣмецкихъ* платьяхъ.

А между тѣмъ хорошъ былъ народъ великолучанокъ; при своей оригинальности онъ имѣлъ много прелести. Такъ называвшаяся *ряска*, изъ жемчуга въ видѣ плоскодонной круглой шляпы, служила головнымъ уборомъ; полями ея были четыре жемчужныхъ же *забора*. Подъ этой шапкой, шолковой платокъ скрывалъ волосы; отъ него, до шеи спускался жемчужный *подзатыльникъ* (у дѣвушекъ какъ его, такъ и платка не было; коса, убранная въ ленты, изъ подъ шляпы ниспадала на спину). Къ нижнимъ угламъ подзатыльника ленточками привязывалась *жемчужная цѣпь*, которая съ четырьмя другими *перловыми*, украшала роскошную грудь великолуцкой красавицы. Парчевая, съ золотымъ, желтымъ га-

зомъ кофточка (по выраженію нынѣшнихъ мѣщанъ: *корсетка*), спускаясь до поясницы, обхватывала стройный ея станъ. Кисейные рукава рубашки, вырываясь изъ прорѣзовъ, давали возможность видѣть бѣлую руку. Откидной, широкій, круглый воротникъ рубашки стягивался красивою и дорогою запонкою. *Штофная* юбка *съ разводами*, обшитая *глазетомъ*, спускалась изъ подъ кофточки, прикрывая исподнею *крашенинную* или каленкоровую юбку.

Это былъ общій нарядъ горожанокъ, его носили богатые и бѣдные, различіе состояло единственно въ богатствѣ.

Что же касается до поселянокъ, то нѣкоторыя изъ нихъ, а именно прихожанки *Куюбакскаго* погоста (верстъ 20 отъ Лукъ, къ границѣ Витебской губерніи), до сихъ поръ носятъ свой особенный нарядъ. Онъ состоитъ изъ *головнаго убора* (два платка, навѣрченные на голову кичкообразно), яркаго цвѣта (желтой, зеленой, голубой или красной), *ко-*

фты, спускающейся до поясницы; рукава ея откидываются назадъ на подобіе гусарскаго ментика, а заплечники бѣлой рубашки вышиты ленточками яркихъ цвѣтовъ. За тѣмъ *юбка* обыкновенная.

Изъ старинныхъ бумагъ великолуцкаго архива 1750–хъ годовъ видно, что нарядъ крестьянокъ, другихъ приходовъ, мало отличался отъ нынѣшняго. Вотъ наприм., выписка изъ списка одеждъ одной богатой поселянки села Федорцева (*).

«*Кокошника* три, одинъ красной грезетовой съ позументомъ серебрянымъ, цѣна рубль; другой черной грезетовой цѣна пятьдесятъ копѣекъ; третій, китайчатой, десять копѣекъ; *подзатыльникъ* шитой золотомъ, цѣна семьдесятъ пять копѣекъ; серги серебренныя 3 съ жемчугомъ, цѣна восемьдесятъ копѣекъ; *сарафанъ синій* крашенинной съ позументомъ золотымъ,

(*) Нынѣ принадлежитъ отцу моему И. Е. Семевскому.

шириною въ полъ вершка, цѣна рубль и тридцать пять копѣекъ; два платка ткацкаго бѣлья; цѣна обоимъ тридцать копѣекъ; овчинъ большихъ четыре, цѣна по двадцати копѣекъ.» Такимъ образомъ, весь нарядъ зажиточной крестьянки стоилъ, сто лѣтъ тому назадъ, на деньги около 6-ти рублей мѣди, или около двухъ рублей серебромъ.

НАРОДНЫЕ ПѢСНИ, ПРИЧТЫ, ПРИПѢВЫ, ПОВѢРЬЯ, ПРЕДАНІЯ, ПОСЛОВИЦЫ. ОПИСАНІЕ ПЛЯСОКЪ, ОБЫЧАЕВЪ, ХОРОВОДОВЪ И ИГРЪ (*).

Приступая къ обзору собранныхъ нами пѣсенъ, пословицъ, повѣрьевъ и преданій великолуцкихъ крестьянъ, очертимъ, на основаніи бумагъ городскаго архива, бытъ помѣщиковъ нашего уѣзда, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ жизни въ половинѣ прошедшаго стотѣтія (**).

(*) Извлеченіе изъ этой главы было отпечатано въ 7 номерѣ «Общезанимательнаго Вѣстника» за 1857 годъ. Стр. 251—260.

(**) Гражданскій Псковскій Губернаторъ, въ 1843 г. предъявилъ г. министру коллекцію

Прочитывая челобитныя, жалобы, доносы, и тяжебныя многотомныя дѣла помѣщиковъ 1760—1780 годовъ, грустно становится на душѣ; сердце невольно сжимается при взглядѣ на картину невѣжества, изувѣрства, тупоумія,

---

старинныхъ бумагъ Великолуцкой *Приказной избы*. Самые ранніе свитки изъ представленнаго собранія относятся къ 1640 годамъ, позднѣйшіе къ 1702 году. Всѣ они исключительно содержатъ въ себѣ изложеніе помѣстныхъ дѣлъ. Помѣщики упоминаемые въ нихъ суть слѣдующіе: Алексѣевъ (1670), Арбузовъ (1671), Бухвостовъ (1681), Валуевъ (1683), Великопольскіе (1656), Дубровинъ (1692), Костюринъ (1677), Креницынъ (1672), Лутковскій (1695), Марковъ (1681), Микулинъ (1682), Назимовъ (1691), Нелединскіе (1681), Обрютины (1692), Полибинъ (1684), Пороховъ (1700), Хмѣлевъ (1687), и. м. др. потомки ихъ доселѣ владѣютъ землями и крестьянами въ предѣлахъ нашего уѣзда. Мы не имѣли подъ рукою этихъ любопытныхъ бумагъ, нынѣ хранящихся въ Арх. Ком. Мин. Нар. Пр.

поразительной жестокости, пошлаго ябедничества и тому подобныхъ пороковъ тогдашнихъ владѣтелей крестьянъ. Чѣмъ отличался помѣщикъ отъ своего крестьянина—рѣшить трудно, платьемъ и большею возможностію дѣлать всевозможныя преступленія, начиная отъ воровства и заключая явнымъ разбоемъ и убійствомъ. Право сильнаго было право праваго. Богатство было защитою отъ наказанія. «Кто украдетъ рубль, того даютъ подъ судъ, а кто тысячъ двѣсти, того держатъ въ чести», говоритъ одна изъ знаменательныхъ, старинныхъ пословицъ. Все нами сказанное основывается на фактахъ. Возьмемъ любую челобитную по возможности ближайшаго къ намъ времени. Богатый помѣщикъ, коллежскій ассесоръ Абрютинъ, по приглашенію сосѣдняго владѣльца, отставнаго секундъ-маіора Арбузова, поѣхалъ къ нему на крестины его дочери; во время пирушки всѣ напились мертвецки, начались ссоры и драки; рѣчи бранныя полились широкимъ потокомъ, въ общемъ шумѣ буйный и

пьяный капитанъ Лаптевъ, по словамъ челобитной Абрютина, «сталъ ругаться и честь «мою поносити, всяческими неподобными сло«вами, употребляя то, яко бы я отца ево са«пога подошва, и другія (ругательства) къ по«врежденію заслуженной чести моея, вреди«тельныя слова, при всей ево Арбузовой ком«паніи, безо всякаго резона съ моей стороны».

Челобитная написана и съ приложеніемъ формулярнаго списка Абрютина, пошла гулять по судамъ, съ записками и всевозможными *справками* и *отношеніями*. А дѣлу, основанному на неподобномъ сравненіи не видать и конца (*).

Но не всегда ссора между двумя *именитыми* дворянами ограничивалась бранью и болѣе или менѣе рѣзкими сравненіями (**);

(*) Челоб. Ант. Панф. Абрютина, на кап. Хар. Лаптева.

(**) Въ подобномъ же родѣ, любопытно толстое дѣло 1700 года, по челобитью Василья

дѣло нерѣдко доходило до рукопашнаго боя, до палочныхъ ударовъ съ обѣихъ сторонъ (*), какова, напр., драка помѣщиковъ Савоскѣева съ Лавровымъ, до свалки слугъ съ слугами за господъ своихъ, до *тяжкаго* наказанія другъ друга розгами. И все это сопровождалось, какъ говорятъ ихъ же челобитныя, непотребными *мерзкими* словами (**). Дѣла затягивались и утолщались отъ самыхъ оригинальныхъ оправданій обвиняемаго. Такъ въ 1763 году, нѣкто помѣщикъ Козловъ, уличенный въ по-

---

Пущина, о безчестьѣ, нанесенномъ ему помѣщикомъ Мурашевымъ, который назвалъ Пущина: «*подставою*».

(*) Челоб. отставн. прапорщ. Гавр. Серг. Савоскѣева, на маіора Гавр. Макс. Лаврова и друг.

(**) Челоб. Гавр. Макс. Лаврова, на зятя своего Гавр. Серг. Савоскѣева, Также челоб. Артил. капит. Ил. Иван. Великопольскаго на городничаго В. Лукъ Кондр. Осип. Максимова.

бояхъ, нанесенныхъ имъ Челищеву, совершенно оправдался, опираясь на то, что противникъ его, вопреки указамъ государыни, въ челобитной употребилъ «бранныя и поносительныя на него словеса» (*). Поколоченный помѣщикъ, въ свою очередь, колотилъ другаго. Григорій Савоскѣевъ, поколотившій въ 1760 году секундъ-маіора Лаврова, въ 1765 душитъ и нещадно деретъ за волосы бургомистра городоваго магистрата (**).

Въ то время, когда дѣло о его дракѣ съ Лавровымъ спокойно лежитъ заномерованное и помѣченное подъ сукномъ; въ то время, когда Савоскѣевъ колотитъ одного изъ городскихъ начальниковъ и выбиваетъ въ его домѣ всѣ оконныя стекла, извѣстный уже намъ Лавровъ, пылая злобою и отуманенный винными парами,

---

(*) Челоб. Сек.-Маіора, Ѳед. Дмит. Козлова на отст. коллеж. асс. Алекс. Сем. Челищева.

(**) Челоб. бургом. Андр. Ефим. Ѳедорова на Гавр. Серг. Савоскѣева.

собравъ дворовыхъ людей своихъ, всего до 100 человѣкъ, «съ дубьемъ и рогатинами» дѣлаетъ набѣгъ на имѣніе жены Савоскѣева. Ругаетъ послѣднюю: «непотребною, и не чувствуя въ себѣ страха Божія, не почитая ее за сущую свою сосѣдную помѣщицу, бьетъ ее по щекамъ немилосердно», приказывая челяди грабить село и бить всякаго противящагося «смертнымъ боемъ». Избитая, полунагая помѣщица, бѣжитъ въ сосѣднее имѣніе версты за три, а побѣдитель, нагрузивъ нѣсколько возовъ пожитками сосѣдки, везетъ ихъ къ себѣ какъ трофеи побѣды, присоединя къ нимъ бабъ и дѣвокъ Савоскѣевскихъ—«яко плѣненныхъ» (*).

Чѣмъ же рѣшались подобныя обыденныя событія? Какой нибудь Лавровъ поилъ и кормилъ приказныхъ, склонялъ вѣсы правосудія

(*) Въ Новгород. Губ. Канц. изъ Великолуцкой Провинц. Канц. донош. 1764 г. 24 ноября.

щедрыми подарками, и дѣлалъ набѣги на другія имѣнія. Колотя помѣщиковъ и управляющихъ, онъ увозилъ съ чужихъ полей въ свои амбары сѣно, рожь, овесъ,—все, что̀ ни попадалось подъ руку. Но намъ скажутъ: это было исключеніе, это былъ разбойникъ, мѣсто его было въ острогѣ. На это смѣло отвѣчаемъ, опираясь на данныя, что такихъ разбойниковъ было много, ими были почти всѣ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ. Въ самомъ дѣлѣ, Александръ Козловъ, Илья Великопольскій, Андрей Великопольскій, Өедоръ Валуевъ, Александръ Арбузовъ, Семенъ Елагинъ, Лавровъ и многіе другіе, въ мирѣ бражничали между собою, въ ссорѣ дрались другъ съ другомъ въ главѣ поголовнаго ополченія креетьянъ (*).

(*) Челоб. кап. Алекс. Өед. Арбузова; старосты Куюбакской волости, Мих Клементьева, на помѣщ. Петр. Мих. Великопольскаго. Челоб. подпор. Якова Алекс. Павскаго на Илью Иван. Великопольскаго, и др.

Чтобы вполнѣ дорисовать картину злодѣйствъ нашихъ старинныхъ помѣщиковъ, разскажемъ весьма знаменательное преданіе крестьянъ Борковскаго погоста: «10-ть лѣтъ, лютый помѣщикъ Ѳеодоръ Лавровъ, безнаказанно грабилъ сосѣда своего Василевскаго. Отбивалъ у него скотъ, увозилъ рожь, хваталъ и насиловалъ дѣвушекъ; тщетно Василевскій искалъ суда, Лавровъ сѣкъ заѣзжавшаго къ нему для допроса исправника, и то побоями, то подачками замазывалъ рты корыстолюбивымъ подъячимъ. Но судъ Божій покаралъ наконецъ злодѣя; въ день Св. Троицы, Барковская церковь была полна народу. Предъ иконою св. Троицы жарко молился несчастный Василевскій. «Не молись, не молись Троицѣ, вдругъ заговорилъ Ѳедоръ Лавровъ, гордо сидѣвшій на стулѣ у лѣваго клироса. Не молись иконѣ, а помолись мнѣ: захочу помилую, захочу сгублю».

Народъ затрепеталъ, услыша кощунство. Обѣдня кончилась, толпа повалила изъ церк-

ви, весенній день былъ ясенъ и тепелъ; но въ минуту, когда Лавровъ вышелъ изъ храма Божьяго, набѣжала туча, грянулъ громъ, и онъ упалъ мертвый (*).

Подъячіе тѣснили помѣщиковъ, пользовались всякимъ предлогомъ, объѣдали и обирали ихъ (**). Помѣщики *грызлись* между собою,

---

(*) Еще въ 1800 годахъ, какъ говорятъ, сынъ знаменитаго Михельсона, недоросль Григорій, проживая въ земляхъ (Невельскаго уѣзда), пожалованныхъ его отцу Екатериною II-ю, съ толпою дворовыхъ дѣлалъ набѣги на Луки. Тучей проносились по улицамъ пьяные *Михельсоновцы* и испуганные купцы, завидя облака пыли, поспѣшно затворяли лавки, дѣвушки и женщины торопливо скрывались по домамъ, и не было управы, не было суда надъ именитымъ бояриномъ....

(**) Изъ сотни бумагъ и дѣлъ, просмотрѣнныхъ нами, нашли мы только одинъ указъ канцеляріи конфискаціи «о взысканіи «штрафа по 166 руб. 66 коп. за неправое рѣ«шеніе одного дѣла, и не порядочное по тому

сильный давилъ слабаго; крестьяне великолуцкіе, по пословицѣ: «каковъ попъ, таковъ и приходъ»,—грабили, рѣзали другъ друга безъ стыда, безъ зазрѣнія совѣсти; а главное почти всегда безнаказанно.

И такъ, вотъ бѣглый очеркъ той ужасной картины, которую представляетъ намъ жизнь обитателей Великолуцкаго уѣзда въ половинѣ прошлаго вѣка. А что было прежде можно догадываться!

Сдѣлавши его, для ознакомленія съ простонародьемъ, обратимся къ мѣстнымъ повѣрьямъ (во всякомъ подворьѣ—свое повѣрье), къ пословицамъ и пѣснямъ; они, безспорно, лучше всего даютъ понятіе о нравственномъ развитіи народа. Знахари и знахарки играютъ нема-

---

«дѣлу на противность указовъ произведенное «слѣдствіе», но и то опальные чиновники, разными записками и объясненіями, затянули отдачу взысканія, и по бумагамъ не значится, уплатили ли его.

ловажныя роли среди поселянъ великолуцкихъ. «Заниматься этою наукою, объяснялъ мнѣ одинъ знахарь, не грѣхъ, коли заниматься ею на пользу человѣческую; вотъ зло, коли нашъ братъ начнетъ работать на потребу дьявола, такъ это точно, злой, страшный грѣхъ.» И вѣра въ искусство знахарей сильна и не зыблема. Не понесетъ баба больнаго ребенка въ больницу; не пойдетъ жена жаловаться господину на пьянаго мужа; нѣтъ, и первая и послѣдняя прежде всего отправятся къ знахаркѣ посовѣтоваться съ нею, попросить ея пособія, и получитъ его за какой нибудь шкаликъ водки. «Да вѣдь, вотъ, батюшка, говорилъ мнѣ одинъ мужикъ, указывая на свою руку, лишенную пальца, отрубилъ я, о послѣднюю осень, себѣ палецъ; кровь такъ и хлынула, индо всего окатила. Побѣжалъ я къ знахарю, и что бы вы думали?—вѣдь обрѣзалъ онъ мнѣ его ножичкомъ, завязалъ, да пошепталъ. И чрезъ два мѣсяца какъ есть прошло. Только что пальца нѣтъ, а боли ни-

какой. Такъ это ужь, батюшка, должно быть у него природа такая, изъ себя понятливая, что онъ науку то эту произошелъ. Вотъ мы народъ сѣрый, по неумѣнью своему глядимъ, да и дивимся.» «Да ужъ что и говорить, добавилъ другой, ужъ это сей часъ видно, это не чета дохтуру; онъ дѣло ведетъ чисто, да съ однаго вола двухъ шкуръ не деретъ, какъ это производятъ наши дохтуры. У нихъ, стало у знахарей и всякіе наговоры есть, и отъ бѣшеныхъ волковъ, и отъ кровотеченія, и всего прочаго. Примѣромъ сказать: взбѣсилась у насъ объ осень собака; пока собрались мужички—да потолковавши промежь-себя убили а—она съ безумія то перекусала многихъ. Привели знахаря, зачалъ онъ шептать да причитывать, да на бѣду и забылъ прибаутку какую то. Тѣ переболѣли да и померли. Надъ послѣднимъ то больнымъ онъ и вспомнилъ причетъ то этотъ анаѳемскій, та

поднялась было, да поправилась, одначе съ глазу то завистливаго што-ли, только померла.»

Курганы, во множествѣ окружающіе городъ, часто вызывали и вызываютъ крестьянъ на попытки къ открытію кладовъ. Страсть къ отысканію подземныхъ сокровищъ была прежде несравненно сильнѣе, но стряслась бѣда, говоритъ мѣстное преданіе, надъ копателями могилъ старинныхъ, и съ тѣхъ поръ поостыла охота рыть ихъ по ночамъ. Вотъ какъ это было. Близь сельца Гороховый Боръ доселѣ видно множество кургановъ, по народному повѣрью, скрывающихъ котлы серебра и золота; да недавались они никому, какъ не перерывали насыпей. Но вотъ отъискался молодецъ, парень ловкій, готовый побрататься хоть съ чортомъ; всю ночь на Ивана онъ съ разными причитами и поговорками сталъ копаться въ курганѣ, работалъ до пота; и до пѣтуховъ, успѣлъ добраться до котла чугуннаго, съ серебряною монетою. Поволокъ его малый за собою; ни живъ ни мертвъ отъ радости. При-

тащилъ въ избу, засунулъ подъ палати, а самъ улегся на нихъ; вдругъ, ночью является къ нему *лыцарь* касая сажень длины полъ сажени ширины; а одѣтъ былъ тотъ богатырь во желѣзныхъ доспѣхахъ, да во шлемѣ со павлинымъ перомъ, а былъ онъ не то литвинъ, не то жмудинъ. А была у того витязя сабля вострая, да длинная, и чѣмъ дальше бѣжалъ отъ него человѣкъ, тѣмъ длиннѣе становилась его рука съ палашемъ. Схватилъ онъ съ полатей мужика, встряхнулъ ровно таракана какого, да какъ крикнетъ голосомъ зычнымъ: «гдѣ мои деньги? подай мое серебро».

«На другой день, заключаетъ преданіе, мужичокъ, проснувшись, увидѣлъ себя на полу, кости у него страшно болѣли и болтались въ тѣлѣ, ровно дробь свинцовая во мѣшечкѣ кожанномъ,—глянулъ подъ полати, а подъ полатями въ котелкѣ уголь да хлопья. Съ тѣхъ то поръ, сталъ, каждую ноченьку, ходить къ нему тотъ лыцарь бранный, и ходивши сталъ встряхивать его манеромъ богатырскимъ, сталъ

лить мужичокъ съ горя горькую, да подъ елкой, слышь, и померъ отъ кручины и печали, да отъ чортова попущенія.»

Послѣ такихъ-то случаевъ призадумаешься искать клада; и впрямь призадумались великолучане: только въ ночь на Ивана, соберутся молодцы съ молодухами, заведутъ пѣсни, построятъ хороводъ, начнутъ играть да боловаться, сложутъ дрова *столбикомъ*, обложатъ вкругъ его хворостъ *шарикомъ*; зажгутъ и пойдутъ прыгать сквозь огонь. А тамъ, на веселѣ, начнутъ собираться парни «по клады», пугливо озираясь на темнѣющій вдали боръ, съ смѣхомъ проводятъ ихъ молодухи и дѣвки до кустовъ; дойдутъ парни до лѣсу, но крикнетъ сова, пугливо встрепенется заяцъ, и шаркнетъ изъ подъ ногъ или закаркаетъ ворона, и съ ужасомъ разбѣгутся они по домамъ; а на другой день пойдутъ баить розказни про вѣдьмъ, колдуновъ да чертей кургузыхъ,—кто во что́ гораздъ.

Къ сторонѣ Торопецкаго уѣзда, особенно

много этихъ кургановъ или *сопокъ*. Съ однимъ изъ нихъ сопряжено весьма интересное повѣрье: подъ нимъ лежитъ храбрый витязь, богатырь славный, павшій во честномъ бою, за вѣру христіанскую. Въ память витязя служили въ старь панихиды, нынѣ же чтутъ его слѣдующимъ обычаемъ: каждый проѣзжій и прохожій ломаетъ вѣтку, и бросаетъ на могилу; никто изъ окрестныхъ жителей, знающій святость мѣста, не нарушаетъ обычая. Куча древесныхъ вѣтвей растетъ, поднимается въ теченіе двухъ лѣтъ. На третій годъ въ осеннюю ночь, кто-то сжигаетъ ее, и на пепелище кладетъ сосновый крестъ; снова проѣзжіе и прохожіе бросаютъ сучки на курганъ, снова на третью осень сожигается куча, снова является на пепелищѣ деревянный крестъ. Никто не запомнитъ съ какого времени повторяется это странное явленіе. Кто сожигаетъ хворостъ, кто кладетъ крестъ на курганъ—неизвѣстно; вѣроятно, секретъ скрывается въ одномъ изъ окрестныхъ семействъ, въ

которомъ изстари, изъ рода въ родъ, соблюдаютъ этотъ таинственный обрядъ.

Въ тѣхъ же мѣстахъ, въ глухомъ лѣсу, есть круглое озерко, зовется оно котелкомъ; ибо съ виду глядитъ настоящимъ чаномъ. Глубоко оно, а вода прозрачна такъ, что на полторы сажени видно все въ глубь. Съ нимъ сопряжено множество повѣрій и сказокъ о русалкахъ, этихъ вѣдьмъ прелестницъ. Не считаемъ нужнымъ ихъ передавать, но замѣтимъ, что крестьяне и крестьянки великолуцкіе вѣрютъ, что до Петровокъ (29-го іюня), какъ бы тепла не была погода, а купаться нельзя безъ опасенія быть защекоченнымъ русалками. Только *полынь трава*, подвязанная подъ мышки, можетъ защитить смѣлаго купальщика отъ нападенія опасныхъ прелестницъ.

Говоря о *примѣтахъ* народа, назовемъ одну, весьма оргинальную: если тѣло покойника при совершеніи церемоніи погребенія, какъ говорится, *ходитъ ходуномъ*, т. е. по лишеніи связей въ суставахъ тѣла, члены его ка-

чаются при малѣйшемъ движеніи гроба, то это пророчитъ новаго покойника въ томъ же домѣ.

Ни что такъ не важно при описаніи быта народа, какъ пѣсни. Такимъ образомъ, смотря на нихъ, какъ на драгоцѣнный памятникъ самобытной русской поэзіи, должно собирать и тщательно ихъ записывать; но кто не знаетъ какъ трудно это дѣлать? Суевѣрный народъ говоритъ, что диктовать пѣсни грѣхъ и грѣхъ тяжкій: подобныя обстоятельства являются важными препятствіями на поприщѣ собирателя народныхъ пѣсенъ. Къ стыду же нашего общества многіе, какъ мы имѣли возможность убѣдиться на опытѣ, изъ нашихъ помѣщиковъ, не понимая важности сего труда, смѣются надъ нимъ, какъ надъ забавою праздности и слабомыслія.

Но къ дѣлу: бракосочетаніе есть важнѣйшая эпоха въ жизни каждаго человѣка, тѣмъ болѣе оно имѣетъ значенія въ патріархальной, мирной жизни селянина. Крестьянская дѣвуш-

ка, выходящая за мужика, отрывается отъ родной семьи, гдѣ жизнь дѣвическая болѣе или менѣе была привольна и обезпечена.

Дѣлаясь женой, дѣвушка принимаетъ на себя тяжкую обязанность матери, няньки, мамки дѣтей своихъ, дѣлается въ полномъ смыслѣ слова рабой грубаго крестьянина.

Вотъ почему, пѣсни и самые обряды, которыми сопровождается свадьба селянина, носятъ особый отпечатокъ грусти, покорности судьбѣ, безнадежнаго отчаянія; однимъ словомъ, въ пѣсняхъ, причтахъ и въ припѣвахъ свадебныхъ обрядовъ, прямо рисуется важность и торжественность событія. На Руси, всѣ эти обряды, вообще сходные между собою, рѣзко отличаются по областямъ и даже уѣздамъ; причемъ каждый изъ варіантовъ имѣетъ либо свое особое, мѣстное значеніе, либо интересъ, присущій его содержанію. Вотъ почему и замѣтки наши, какъ бы они не были малы, есть страница не безполезная при описаніи быта русскаго народа.

Съ наступленіемъ 17-й весны, дѣвушка должна готовиться къ свадьбѣ; не такъ еще давно ихъ выдавали замужъ по 15, даже по 13-му году; помѣщикъ или помѣщица призывали къ себѣ невѣсту, назначали ей жениха, и въ тотъ же день, по сказанному, какъ по писанному, совершалось дѣло; тщетны были слезы, напрасно мужикъ или дѣвка молили о пощадѣ. «Вотъ «еще новость», говаривала помѣщица, «вотъ «еще что выдумалъ? ненравится! скажите ка«кая нѣжность да разборчивость; чтобъ былъ «женатъ, и кончено! а то смотри у меня....» И мужикъ шелъ подъ вѣнецъ.

Но предположимъ, что дѣло совершается *полюбовно*, по взаимному, доброму согласію. Женихъ выбралъ невѣсту, родители согласны сродниться, невѣста не противится ихъ воли— сговоръ совершается безъ особыхъ обрядовъ. Чрезъ двѣ недѣли, назначаемыя обыкновенно для приготовленій со стороны невѣсты бѣлья и проч. домашняго скарба, обыкновенно на канунѣ воскреснаго или инаго праздничнаго дня,

совершается *дѣвичникъ*. Къ невѣстѣ собираются ея подружки. Предъ кусочкомъ зеркала, сажаютъ невѣсту и начинаютъ расплетать ея косу, убирать ее цвѣтами, одѣвать въ лучшее платье. Сваха вмѣстѣ съ матерью устанавливаютъ въ красномъ углу столъ, покрываютъ его скатертью *бранною*, на нее ставятъ каравай, убранный цвѣтами, и чашки съ орѣхами и пряниками. Столъ этотъ величаютъ: *гарнымъ*. Приготовленія наводятъ невѣсту на мысль о разлукѣ съ родителями; она плачетъ, дѣвушки поютъ:

«Помнишь ли ты, Ольга,
Какъ мы тебѣ казывали:
Невыходи ты, Ольгушка,
На крутой крылецъ!
Не слушай ты, Ольгушка,
Звонъ частыхъ гуслей :
Эти гусли, эти гусли
Переманчивы, —
Переманятъ, переманятъ
На чужу сторону,
На чужу сторону,
Къ чужому батюшкѣ!»

Невѣста среди рыданій отвѣчаетъ:

«Какъ мнѣ быть, какъ мнѣ быть,
На чужой сторонѣ;
Какъ мнѣ звать, какъ мнѣ звать
Свекра батюшкой,
Какъ мнѣ звать, какъ мнѣ звать
Свекровь матушкой!»

Наряжанье невѣсты и уборка стола продолжается. Слѣдующая поэтическая пѣсня заставляетъ невѣсту разливаться въ слезахъ горькихъ и искреннихъ:

«Плакала Ольгушка,
Плакала Трофимовна,
Къ столу припадаючи
Батюшку уличаючи,
Матушку причитаючи.
«Государь ты мой батюшко,
«Государыня моя матушка:
«Напиши мое лицо на дубовомъ столикѣ!
«Государыня матушка: набери мою красоту
«Набери мою красоту на бранну скатерть,
«Сстоликъ подвините про меня вспомяните!»
Скатерть вскроена, вскроена, —
Три раза всплакана, всплакана;

«Какъ то мое дитятко, на чужой сторонушкѣ?
«На чужой сторонушкѣ, у чужаго батюшки,
«У чужаго батюшки, у чужой матушки?»

Но вотъ невѣста убрана; сажаютъ ее за столъ въ *красный* уголъ; вдоль стѣны усаживаются подружки, собираются гости, только званые, «незваный гость пуще татарина» говоритъ русская пословица; а великолуцкій варіянтъ добавляетъ «незванъ на пиръ неходи, пока позовутъ пожди.» Но и отъ званыхъ гостей изба биткомъ набита; въ ожиданіи жениха дѣвушки щелкаютъ орѣхи и поютъ пѣсни:

«Охъ не пава, охъ не не пава, —
Охъ не павушка по двору ходитъ!
Не павлина сизы перья роняетъ, —
Тутъ ходила, тутъ гуляла, —
Ольга вкругъ терема,
Вкругъ терема, вкругъ высока,
Она била, обивала бѣлы ручки о перила;
А набимши, обивамши,
Таковы словеса говорила:
«Куда тошно, куда грустно (*)

(*) т. е. «какъ тошно, какъ грустно.»

«Вотъ и мнѣ сидѣть сговоренной;
«Отоприся нѣмецкій (*) замокъ отоприся,
«Кипарисная дверь отворися,
«Тесова кровать пошатнися,
«Шитый бранъ положокъ распахнися,
«Родная матушка встань проснися,
«Вѣдь не годъ мнѣ у васъ годовати;
«Не недѣлюшку мнѣ у васъ гостити;
«Одну ночку мнѣ у васъ ночевати,
«И тою мнѣ всію ночь не спати,
«На молитвѣ всію ночь простояти.»

Но жениха еще нѣтъ, не слыхать подъ окномъ позвякиванья бубенчиковъ его троекъ, не слыхать удалыхъ пѣсенъ и покрикиваній *поѣзжанъ*:

«Долго по долгу соколъ не летитъ,
Долго по долгу ясенъ не летитъ!

(*) До сихъ поръ нашъ простодушной народъ говоритъ: «хитеръ, какъ нѣмецъ.» Все нѣмецкое, т. е. иностранное, по его мнѣнію, затѣйливо и замысловато. «Гдѣ просто», говоритъ онъ себѣ въ утѣшеніе, «тамъ ангеловъ со сто, а гдѣ хитро. тамъ ни одного.»

Знать нашъ соколъ, за лѣса залетѣлъ,
Знать нашъ ясенъ, за темные лѣса!
Долго по долгу Терентій не ѣдетъ,
Долго по долгу Иванычь не ѣдетъ, —
Знать нашъ Терентій въ городъ заѣхалъ
Видно Иванычь въ каменномъ городѣ!»

Вдали заливается колокольчикъ, слышнѣе и слышнѣе бренчатъ бубенчики; сани скрипятъ по снѣгу; и кони, фыркая, вбѣгаютъ во дворъ, чрезъ растворенныя настежъ ворота:

«Погодя маленько Иванычь на дворъ;
Самъ на конѣ, какъ соколъ на лету;
Грива у коня серебромъ перевита,
Уздечка жемчугомъ унизана.
По одну сторону пятьдесятъ человѣкъ,
По другу сторону все тотъ же счетъ!»

Женихъ не рѣшается войти и тихо спрашиваетъ:

«Если она спитъ не будите ее!»
«Если не спитъ не пугайте ее!

На это невѣста отвѣчаетъ входящему *князю* жениху:

«Право, государь, всю я ночь не спала,
Вашему коню весь уборъ вышила,

Вашему коню да на всю красоту,
А вамъ, государь, на честь, на хвалу.»

Но молодаго не пускаютъ къ невѣстѣ. Сваха строго слѣдитъ за выполненіемъ обрядовъ, освященныхъ вѣковымъ употребленіемъ. Мѣсто должно быть: сторговано и куплено (*). Для этого изъ толпы *поѣзжанъ* выступаетъ дружка, герой всѣхъ комическихъ шутокъ и пѣсней предстоящаго веселья. Выступаетъ онъ въ шубѣ и котомкѣ черезъ плечо. Съ уморительными жестами и прибаутками, ведетъ повѣсть о томъ, какъ ѣхалъ онъ изъ затридевять земель, изъ затридевятаго царства, искалъ невѣсты для своего друга. Сваха предлагаетъ выбрать любую изъ среды всѣхъ дѣвушекъ. Дружка ближе

(*) «Въ Монголіи, въ Киргизскихъ степяхъ, и въ другихъ странахъ Востока, пишетъ Ковалевскій, при совершеніи свадебъ, когда поѣзжане жениха являются за невѣстой, то подруги уступаютъ ее только съ бою и тутъ завязывается между ними схватка не на шутку».

подходитъ къ *гарному* столу, начинаетъ оглядывать и осуждать всѣхъ сидящихъ. И только послѣ неудержимаго общаго хохота, которымъ сопровождаются всѣ эти фарсы, мѣсто покупается, за какой нибудь *трехъ—копѣешникъ*. Но куплено только мѣсто; не пріобрѣтено право на сосѣдство съ невѣстою; подружки уводятъ ее. Дружка, послѣ комическаго негодованія, приплачиваетъ еще *копѣйку* и все улаживается. Молодой садится подъ образа, по правую руку невѣсты. Толпа, взволновавшаяся отъ смѣха, утихаетъ; дружка, красный какъ ракъ отъ пота, садится подлѣ молодаго. Женихъ и невѣста молчатъ, дѣвушки среди хохота и шутокъ продолжаютъ пѣть пѣсни:

«Вился вихорь, вился вихорь
Передъ тучею;
Билъ челомъ, билъ челомъ зять
Передъ тещею:
«Теща моя, теща моя,
«Теща ласковая, —
«Выдай даръ, выдай даръ,
«Вѣковѣчный мой.»

«А теща вынесла, выдала
«Рѣшето овса:
«Этотъ дара, этотъ даръ
«Комонямъ (*) моимъ.»

* *
*

Вился вихорь, вился вихорь
Передъ тучею,
Билъ челомъ, билъ челомъ зять
Передъ тещею:
«Теща моя, теща моя,
«Теща ласковая,
«Выдай даръ, выдай даръ,
«Вѣковѣчный мой!»
Вынесла, выдала полотна трубу;
«Этотъ даръ, этотъ даръ,
«Поѣзжанамъ моимъ.»

*
* *

(*) Комонямъ-лошадямъ. Славный Игорь, герой поэтическаго слова XII вѣка, такъ взываетъ къ храброй дружинѣ: «всядемъ, братіе, на свои *бързыи комони,* да позримъ синего Дону!» Пѣсни, передаваемыя въ томъ видѣ, какъ ихъ поетъ народъ,—живой, богатый, неисчерпаемый матеріалъ для изслѣдователей народной рѣчи.

Вился вихорь, вился вихорь,
Передъ тучею, —
Билъ челомъ, билъ челомъ зять
Передъ тещею:
«Теща моя, теща моя,
«Теща ласковая.
«Выдай даръ, выдай даръ,
«Вѣковѣчный мой,»
Выдала, подвела Ольгушку:
«Этотъ даръ, этотъ даръ
«Вѣковѣчный мой.»

Взаимная любовь и согласіе, съ коимъ сочетались молодые, вызываютъ слѣдующую пѣсню:

«Ты камка, ты камочка моя,
Ты камка мелкотравчатая;
Не давайся развертываться,
Не по атласу, не по бархату,
Не по темну штофу на золотѣ!
Какъ атласъ то волю взялъ,
Хрущату камку развернулъ,
Всѣ узоры высмотрѣлъ,
Всѣ круги позолоченные.
Ну, ты умная дѣвушка,
Не давайся ты на сговоры,
Что не князю, не бояриму,

Не тому сыну гостинному,
А отдайся ты Терентію ты Иванычу!
Вотъ Терентій свѣтъ волей взялъ,
Ольгушку за руку взялъ,
Онъ и взялъ ее за бѣлую,
Онъ повелъ за дубовый столъ,
За скатерти бранныя,
За явства сахарныя.»

Случается, что невѣста сирота, безъ отца или матери, или круглая *сирота казанская*. Тогда и самыя пѣсни выбираются приличные случаю; изъ нихъ намъ особенно понравилась слѣдущая, какъ по чувству, которымъ она проникнута, такъ и по поэтическому изложенію:

«У дуба, у дуба, у сыраго дуба,
Много вѣтвей, много повѣтьевь,
Много листу зеленаго;
Только нѣту у сыраго дуба,
Да одной нѣту маковки,
Много, много у Ольги свѣтъ,
Много роду и племени,
Только нѣту у Ольгушки;
Вотъ родимой нѣту матушки!

Снарядить меня есть кому,
Благословить меня некому.
Снарядятъ меня дѣвушки,
Благословятъ люди добрые;
Охъ! вы люди, люди добрые
Вы взойдите на паперть церковную,
Вы ударьте трижды въ колоколъ,
Разбудите мою матушку,
Государя моего батюшку!»

Пѣсни не умолкаютъ, одна смѣняется другой, грустный напѣвъ замѣщается веселымъ, и въ свою очередь—веселый, разгульной мотивъ нечувствительно переходитъ въ мелодичный грустный. Дѣвушки досадуютъ, что женихъ не промолвитъ словечка:

«При вечерѣ, вечерѣ,
При Ольгиномъ дѣвичникѣ,
Прилеталъ тотъ ясенъ соколъ,
Онъ садился на окошечко,
На серебренну рѣшеточку,
На серебренну рѣшеточку,
Золотую переплеточку,
Какъ увидѣла его матушка,
Съ высокаго своего терема:

Ты дитя-ль мое дитятко,
Да Ольга ты Трофимовна,
Приголубь ты ясна сокола,
Ясна сокола залетнаго,
Друга молодца заѣзжаго,
Свѣтъ Терентія ты Иваныча.

Но *приличіе* ни жениху, ни невѣстѣ непозволяетъ говорить, а тѣмъ болѣе цѣловать другъ друга, молчаніе и неподвижность удѣлъ ихъ на этотъ разъ.

Но «соловья баснями не кормятъ», дѣвушки устали пѣть, а гости слушать. Первыя встаютъ изъ-за стола, и удаляются въ уголъ. Мѣста ихъ занимаютъ *почетнѣйшіе* изъ гостей, то есть посаженые отцы и матери, кумы и кумушки, дяди и тетки, дружки и поѣзжане. Быстро появляются на столѣ жареные: гуси, куры, ихъ долженъ разрѣзать дружка; каша, щи, хлѣбъ съ солью покрываютъ бранну скатерть. Какъ бы не былъ бѣденъ мужикъ, отецъ невѣсты, но при этомъ случаѣ онъ ничего не жалѣетъ, по пословицѣ «все что есть въ печи,

все па столъ мечи.» «Господа милостивцы прошу покорно, говоритъ онъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!»

Вотъ и водка; за *ерофѣичемъ* и пиво. Начинаются поздравленія, сваха подноситъ каждому ковшикъ съ пивомъ; всякой, выпивая его, въ возможно-вычурныхъ выраженіяхъ поздравляетъ молодыхъ; когда ковшъ обойдетъ компанію пирующихъ, тогда начинается *величанье*, то есть сваха, либо мать невѣсты снова, по нѣскольку разъ, подноситъ водку, дѣвушки *величаютъ* угощаемаго, за что послѣдній благодаритъ деньгами.

Вотъ нѣкоторыя изъ безчисленнаго множества величальныхъ припѣвовъ:

Свалялись, свалялись Андрѣевы кудри,
Чѣмъ маслить, чѣмъ маслить Андрѣевы кудри?
Кинемся, бросимся, на новые торги,
Купимъ мы, купимъ дробинова; масла (?)
Размаслимъ, размаслимъ Андрѣевы кудри.
Чѣмъ чесать, чѣмъ чесать, Андрѣевы кудри?
Кинемся, бросимся, на новые торги

Купимъ мы, купимъ мы гребень-гребешочекъ,
Разчешемъ, разчешемъ Андрѣевы кудри.

* *
*

Жена тебя молодая въ гости соряжала,
Гривну въ платъ завязала,
Ты пойдешь, другъ, на свадьбу,
Дари не скупися:
Большой кошель развирайся
Золота казна разсыпайся.
Тебѣ будутъ дѣвушки пѣти,
Тебя за это благодарити,
Тебя за это величати.

Каждый изъ подобныхъ припѣвовъ, заключается обращеніемъ къ величаемому лицу:

Будешь дарить
А мы будимъ хвалить.

По мѣрѣ того, какъ вино и хмѣльное пиво обходитъ *честныхъ гостей*, веселѣе и веселѣе становится компанія; дѣвушки начинаютъ пѣть комическія припѣвы дружкѣ:

«Дружка хорошенькій,
Дружка пригоженькій,
Какъ на дружкѣ штаны;
Послѣ дяди сатаны;

Дружка хорошенькій,
Дружка пригоженькій,
На дружкѣ шапочка торчитъ,
Какъ торчалка торчитъ;
Сидитъ дружка на рябинѣ
Окаянные его теребили,
Друженька хорошенькій,
Дружка пригоженькій.
На дружкѣ то кафтанъ,
Весь по ниткѣ сбиранъ;
Какъ на дружкѣ то кафтанъ,
Съ фальшивой бахрамой,
Чулки вязаные,
И тѣ краденые,
Башмачки хороши,
Лишь подошвы изошли,
Пряжки съ искорками
Вонъ по выскакали.
На дружкѣ то шляпенка
Послѣ сватушки чертенка! и. т. д.

Дружка отшучивается, отплачивается, смѣхъ раздается въ избѣ. Всякому открывается поприще пощеголять своимъ остроуміемъ; и бойкій русскій умъ не затрудняется въ остротахъ.

Ужинъ кончился, столы убраны, но несдѣлалось просторнѣе; толпа сдвигается въ тесный кружокъ. *Музыка*,— скрипка, если она есть, балалайка, свистокъ, даже бубенъ (*), *садится* на лежанку, — грянула, и на двухъ аршинную сцену выскочили двѣ старушки: «пошла гулять *барыня*!» Съ легкой руки старушекъ, все зашевелилось; *музыка* играетъ все живѣе и живѣе, звуки изъ подъ *его* пальцевъ выходятъ самые странные и дикіе, но не до нихъ танцующимъ; только, и только въ эти немногія минуты, когда всѣ забываютъ и нѣмца управителя и взяточника становаго, весело и привольно русскому мужичку!

Между тѣмъ женихъ, не принимавшій участія въ танцахъ, уѣзжаетъ домой. Невѣста уходитъ

(*) Въ Лукахъ Великихъ намъ случалось видѣть *гусли*, и слышать весьма искусную на нихъ игру мѣщанокъ. Какъ извѣстно, наши предки страстно любили эту музыку; славяне еще въ VI вѣкѣ славились искусствомъ играть на гусляхъ.

провести послѣднюю дѣвическую ночь и не спится ей подъ долетающіе звуки балалайки, и пискливой, полуразбитой скрыпки. Есть о чемъ ей призадуматься, есть о чемъ помечтать въ эту ноченьку.

Послѣ *дѣвичника*, а въ иныхъ деревняхъ и до онаго: по пословицѣ: «что городъ, то норовъ, что деревня, то обычай», молодые должны сходить въ баню. Женихъ это дѣлаетъ безъ особыхъ обрядовъ, невѣсту же ведутъ, моютъ и выводятъ дѣкушки, при чемъ смѣхъ и шутки не умолкаютъ.

Вотъ одна изъ пѣсенъ, употребляемыхъ при семъ случаѣ:

«Разстопися банька мыленка,
Разгорися жарка каменка.
Ты разсыпься бѣлъ, крупенъ жемчугъ,
По атласу и по бархату,
По серебренному блюдечку,
Передъ батюшкой стоючи:
«Государь мой, родимой батюшка,
«Вы на что-же пиво варите?
«Зелено вино покупаете?

«Да кого же вы жените?
Ты дитя мое милое,
Мы тебя совсѣмъ просватали,
Порукамъ совсѣмъ ударили,
Быть сговору, быть дѣвичнику
Быть дѣвичьему вечеру,
За Терентія за Иваныча.»

Вымытая въ «банькѣ мыленкѣ», невѣста слѣдующимъ припѣвомъ благодаритъ семью:

«Спасибо тебѣ, родимый батюшка,
На дровцахъ сухихъ, перелетовыхъ!
Спасибо тебѣ, родная матушка,
На пару, на банькѣ,
На мягкомъ, на вѣничкѣ!»

Настаетъ наконецъ вожделѣнный день свадьбы! Съ раннею зоренькой, все уже готовится въ домѣ жениха для пріема дорогой гостьюшки. Передъ обѣдней женихъ является къ невѣстѣ; послѣдняя ждетъ его въ подвѣнечномъ уборѣ, съ распущенными по плечамъ волосами, голова ея закрыта полотенцомъ.

Съ воплемъ бросается она въ объятья матери и отца; принимаетъ отъ нихъ благосло-

веніе, послѣ чего дѣвушки почти насильно уводятъ и сажаютъ ее въ сани съ женихомъ. Поѣздъ трогается на погостъ. Дѣвушки ѣдутъ и поютъ пѣсни:

«Богъ, Богъ, — боженька,
Что то комы рано въ путь попущены;
Шелковой травы не ѣдятъ,
Ключевой воды не пьютъ;
Вотъ и слышутъ комы,
Путь дорожку дальнюю,
Въ Велики Луки подъ красну дѣвушку,
Подъ Ольгу подъ Трофимовну.

*
* *

Воинъ, воинъ, Терентій Князь;
Онъ одинъ на войну не ѣзжалъ,
Онъ и все со друзьями, со боярами!
А боярамъ война неудалась,
А удалась война — Терентью Князю;
Онъ посѣкъ березу при пути,
Покосилъ мядыню (*) при лузи (**).
Онъ побралъ ягоду во сыромъ бору;

(*) Мядынь всѣмъ извѣстная трава.
(**) Лузи, луги, во лузяхъ, во лугахъ.

Онъ и взялъ Ольгушку съ высока терема.
«Ты раскинься береза сѣченная,
Разцвѣти мядынь скошенная!
Ты дозрѣй ягода бранная!
Поживи Оля за моей головой,
За моей головой, молодецкою.»

Во время вѣнчанія, молодые стоятъ «на бѣломъ пологѣ». Присутствующіе наблюдаютъ: какъ горятъ свѣчи, если ровно, то это предвѣстникъ жизни спокойной и пріятной, если съ трескомъ то будущее представится въ раздорахъ и несогласіяхъ, если плывутъ, то тѣмъ пророчутъ горе да слезы.

Огарки свадебныхъ свѣчей какъ святыни хранятся молодыми всю жизнь. При выходѣ наблюдаютъ, кто первый изъ молодыхъ и какой ногой переступили черезъ порогъ; горсть земли не медля подимаютъ изъ подъ слѣда, и хранятъ какъ надежный талисманъ, отъ всякаго злаго глаза, да отъ наговора дьявольскаго.

Съ пѣснями встрѣчаютъ молодыхъ при выходѣ изъ церкви; съ пѣснями везутъ, пѣснями привѣтствуютъ въ воротахъ мужнина дома.

Вотъ тѣ катятъ, вотъ тѣ катятъ,
Грозна туча валитъ!
Невидать, младаго за облакомъ,
Только видать, одна шапочка.
Шапка на немъ какъ огонь горитъ
Онъ на конѣ, какъ орелъ силитъ!
Выѣзжай, выѣзжай на высоку гору
За труби, за труби въ золоту трубу!
Подавай, вѣсточку родну батюшкѣ!
«Батюшка, батюшка, я самъ ѣду.
Я и самъ, самъ девятый князь.»

На порогѣ сваха взявши молодыхъ за руки три раза обводитъ ихъ вокругъ одного мѣста. При чемъ осыпаетъ *хмѣлемъ* въ знакъ желанія трезвой и дружной жизни; и *хлѣбомъ* въ знакъ богатой и довольной жизни. При входѣ въ хату, встрѣчаетъ ихъ свекоръ съ образомъ и свекровь въ вывороченной шубѣ и шапкѣ, въ знакъ того, чтобы у молодыхъ скотъ плодился хорошо. Молодые три раза падаютъ имъ въ ноги, въ ознаменованіе послушанія своего и для принятія благословенія родительскаго на жизнь счастливую. Послѣ чего, усѣвшись въ красный уголъ, приглашаютъ всѣхъ за столъ. Снова начинается

питье за здоровье, снова раздаются «величанья.» Но никто ничего не ѣстъ. Вскорѣ сваха беретъ за руки молодыхъ сопровождаемая пѣснями, отводитъ ихъ въ особый чуланъ: спальню новобрачныхъ; не рѣдко отдѣленной одною тонкою перегородкою отъ пирующихъ. Хоръ поотъ:

«При лузи калина, при лузи малина,
«Какъ наша калина, весь свѣтъ пригрузила,
«Какъ наша княгиня, родню взвеселила,
«Вотъ роднаго батьку, вотъ родную машку,
«Родню взвеселивши, впереду посадивши,
Сытой напоила! (*).

Чрезъ полчаса дружка, отъ всей компаніи, посылаетъ сваху узнать «все ли благополучно?» Она приноситъ отвѣтъ «что все въ благополучности и здравіи». Гости пьютъ за здоровье новобрачныхъ, поздравляютъ тещу и тестя, шутятъ и смѣются. Сваха идетъ кормить молодыхъ кашей. Накормивши, выводитъ и сажаетъ ихъ снова за столъ. Поздравленія гу-

---

(*) Постель новобрачныхъ состоитъ изъ хмѣля, ржи, соломы и льну.

дятъ со всѣхъ сторонъ. Только теперь сваха подходитъ къ молодой, и концомъ извѣстнаго коровая открываетъ ей лицо, во все утро закрытое; за тѣмъ заплетаетъ распущенные ея волосы въ двѣ косы, обвиваетъ вокругъ головы и повязываетъ на нее *повойникъ*. Краснѣющая молодая подвигаетъ коровай мужу и даетъ ему ножъ; тотъ *разрушаетъ гарной столъ*, т. е. разрѣзываетъ коровай на кусочки, кладетъ ихъ въ чашку, и вмѣстѣ съ водкой вручаетъ женѣ. Та обходитъ присутствующихъ и проситъ «откушать.» Подъ опасеніемъ оскорбить хозяйку отказомъ, всѣ должны взять кусокъ коровая, запить виномъ, и положить въ чашку деньги.

За тѣмъ начинается пиръ, «пиръ на весь міръ», по выраженію русской сказки, все и всѣ веселятся, такъ широко и раздольно, какъ только умѣетъ веселиться русскій человѣкъ. Дѣвушки поютъ пѣсни, среди ихъ нерѣдко слышатся и заунывные мотивы, наводящіе злую тоску на душу.

Вотъ одна изъ этихъ превосходныхъ пѣсенъ.

Безъ искусственно, но живыми красками рисуетъ она будущее положеніе молодой въ семьѣ, чуждой ей:

«У Терентія матушки, дорогая гостьюшка,
Дорогая гостьюшка, злата метелочка;
Мела, повымела, трое сѣней новые;
Одной не вымела, становой своей горницы,
Становой горницы, гдѣ сидитъ *люта свекровь.*
Они судили, баяли про чужу дитятку,
Про чужу дитятку, про свою невѣстушку
«Не то сонливая, не то дремливая
«Солнышко не за лѣсомъ, спать пошла,
«Солнышко на всходѣ, съ спальни нейдетъ,»
и т. д.

Глядя по состоянію, пиръ кончается либо въ три, два, либо въ тотъ же день. И сколько вина выпиваютъ въ это время, сколько разъ пропляшетъ малецъ-удалецъ, сколько пѣсенъ перепоютъ дѣвушки!

Но злой человѣкъ, по мнѣнію народа, можетъ дурнымъ наговоромъ, либо завистливымъ глазомъ, отравить, испортить все удовольствіе. Я былъ однажды свидѣтелемъ, какъ

въ толпу веселящихся на свадьбѣ пустилъ кто-то галку. «дурная птица безпремѣнно напророчитъ молодымъ сплетни и перебранки.» Надо было видѣть, какъ всѣ взволновались, всѣ забѣгали въ разныя стороны съ испуганными лицами и упреками злому человѣку.

Наконецъ галку убили, положили у порога и всякій переступавшій черезъ него, плевалъ на трупъ несчастной птицы. «Хоть плевкомъ да отдѣлаться отъ злаго наговора.»

Нельзя не замѣтить, что эти суевѣрные, тѣмъ не менѣе, замѣчательные по своей старинѣ обряды и повѣрья, въ настоящее время мало по малу стираются и незамѣтно исчезаютъ. Такъ при свадьбахъ *дворовыхъ* людей, этихъ аристократовъ, многіе изъ вышеописанныхъ обрядовъ не наблюдаются, все тянется за дворянствомъ, называя стариковскіе обычаи «*необразованностію*.»

Для молодой, съ замужествомъ открывается новая жизнь, трудовая, безотрадная. Притѣсне-

нія со стороны мужниной родни, трудность работы, суровое обращеніе мужа, все это заставляетъ ее грустить и *убиваться*. Въ пѣсняхъ унылыхъ она выливаетъ свою кручинушку.

«По тебѣ ли, моя дубровушка,
Всѣ пташечки разлеталися;
Одна пташечка оставалася,
Горемычная кукушечка!
Куковала день, до вечера,
А со вечера до полуночи!
«Кабы знала млада, вѣдала;
Про свое горе великое,
Про замужество несчастливое,
Ябъ сидѣла вѣкъ у дѣвушкахъ,
Ябъ чесала буйну голову:,
Ябъ, чесавши, приговаривала:
Недоставайся моя руса коса,
Ты не князю, не товарищу.
Не моему мужу ворогу!»

Нерѣдко другая печаль вынуждаетъ *кручиниться* молодую жену, это старость мужа:

«По зарѣ матушкѣ птицы поютъ,
А меня молодешеньку мысли берутъ:
За стараго замужъ отдаютъ!

И у меня *молодешенькой*—старый мужъ
Со вечера поздно спать ложится,
А по утру рано встаетъ:
Къ тяжкой ко работѣ принуждаетъ!»

Вѣтренность мужа, въ свою очередь, вызываетъ слезы со стороны оскорбленной жены:

«Надъ рѣкой, надъ рѣкой не груша стоитъ,
Не груша стоитъ — бѣла береза стоитъ,
Сучекомъ махается,
На сучкѣ листьями трепещится;
А подъ той ли березой, подъ той ли березой,
Кровать тесовая стоитъ.
А на той де кровати, на той де кровати
Пуховая перина лежитъ.
А на той ли перинѣ мой милый лежитъ
Онъ лежитъ, онъ лежитъ со иною, —
Со дѣвушкой, со красною....» и т. д.

Отъ свадебныхъ обрядовъ и заунывныхъ пѣсенъ переходимъ къ пляскамъ и играмъ великолучанъ.

Танцы или пляски крестьянъ нашего уѣзда довольно однообразны; начинаютъ ихъ, какъ

мы уже говорили, старушки такъ называемой «барыней». *Барыня* состоитъ изъ плавныхъ движеній, сопровождаемыхъ медленными разводами рукъ, наклоненіемъ головы и движеніемъ взадъ или впередъ. Танецъ граціозный. Но молодежь его охотно мѣняетъ на *чижика*, такъ называемаго по пѣснѣ, подъ которую его пляшутъ:

Двѣ, четыре, даже восемь паръ составляютъ квадратъ, въ средину его выскакиваетъ дѣвушка, и, размахивая платкомъ, ловко изворачиваясь, и бойко пристукивая каблуками, она вертитъ по очереди всѣхъ мужчинъ и женщинъ; за тѣмъ усталая, занимаетъ чье нибудь мѣсто, а согнанная танцуетъ по прежнему въ срединѣ. Но какъ ни живъ *чижикъ*, *метелица* еще живѣе, не даромъ же и зовутъ ее *метелицею*. До 20 паръ и болѣе, одна за другою, раздѣляются на двѣ колонны и становятся другъ противъ друга. *Музыка* играетъ все живѣе и живѣе, пары, крѣпко взявшись за руки, пробѣгаютъ по очереди подъ руками другъ у друга,

подобно вихрю вздымая пыль столбами. Все удовольствіе танца заключается въ необыкновенной живости и ловкости танцующихъ. Затѣмъ *по улицѣ мостовой*, и безчисленное множество другихъ плясокъ исполняются согласно содержанію пѣсенъ; что̀ говоритъ пѣсня, то дѣлаютъ и танцующіе.

Но вѣнцомъ всѣхъ русскихъ плясокъ служитъ обще русскій народный танецъ: *казачекъ*, или еще болѣе *камаринская* (названная такъ по извѣстной пѣснѣ). Тутъ то надо видѣть ловкость русскаго удальца; парень въ ситцевой, либо въ красной рубахѣ, русскихъ сапогахъ (если они есть), а то и босикомъ, потряхивая кудрявою головою, съ здоровымъ румянцомъ на щекахъ, выдѣлываетъ всевозможные *колѣна*, предъ дѣвушкой, которая *лебедемъ* выплываетъ передъ нимъ. Толпа, сомкнувшись въ кружекъ, молча любуется ловкою парочкою; скрипка визжитъ; смычекъ *музыки*, молніей летаетъ по струнамъ; губы подсвистываютъ отъ удовольствія; каждый изъ зрителей под-

дергиваетъ плечами, пошевеливаетъ ногами, каждый готовъ дернуть залихватскую камаринскую (*)!

Горѣлки, *бабки*, *качели*, *ямки* или *городки*—вотъ главныя, общеупотребительныя забавы великолуцкихъ крестьянъ. Говорить объ нихъ нечего; всякій, жившій въ деревнѣ, видѣлъ и знаетъ ихъ. Въ послѣднее время выводится изъ употребленія опасная забава въ борьбу.

О ней, доселѣ еще упоминается во многихъ изъ мѣстныхъ пѣсенъ. Такъ, напр.:

«Изъ за лѣса, изъ за лѣса
Изъ за темнаго,
Шли прошли *двое молодчиковъ*,
Они ссорились, *бранились*,
Противу становились.
Выходила къ нимъ дѣвица
И говорила съ ними:

(*) У дворовой аристократіи этотъ народный танецъ вытѣсняется *полькою*. Это пародія польки, заимствованной изъ высшаго сословія.

«Ужъ вы нутка, вы не ссортеся,
«Не бранитеся,
«А по чести разойдитеся....» и т. д.

Кромѣ *единоборства*, борьба производилась *міромъ*. Толпа становилась противъ толпы, высылала мальчишекъ для начала или задору; а насмѣявшись вдоволь, вступали и большіе въ бой. Главное условіе боя—дѣйствовать голыми кулаками, второе—«лежачаго не бить», а упавшему не принимать участія въ бою; третье не доходить до смертоубійства. Борьба, по преданіямъ, особенно часто употреблялась подъ городомъ. Мѣщане выходили за городъ и встрѣчаемые поселянами, окрестныхъ деревень, боролись съ удовольствіемъ и ожесточеніемъ; въ самомъ городѣ *первый бой* производился около 25-го марта — близь Пятницкой церкви. Еще въ 1830 году эти побоища были во всей силѣ, и въ продолженіе Святой недѣли мѣсто ихъ было: на «бутыркахъ», гдѣ нынѣ гостинодворскій бульваръ (*). Ни разбитые носы, ни вы-

(*) Нельзя не замѣтить, что «бутырки»

вихнутыя руки и проломленные черепа, ничто не охлаждало страсти къ опасной игрѣ, и канунъ праздника ознаменовывался общелюбимою борьбою. Русскій человѣкъ развертывался въ ней во всю удаль молодецкую.

Скажемъ кстати *о посидѣлкахъ*. Вечеринки эти бываютъ у насъ, какъ предъ Рождествомъ, такъ и послѣ Рождества; въ послѣднемъ случаѣ они называются, *субботками*. Въ большую избу собираются дѣвушки; при свѣтѣ ежеминутно нагарающей лучины, прядутъ онѣ съ пѣснями.

«Полно солнышку по залѣсью ходить,
Полно красную въ саду яблоню сушить,
Полно дѣвушкѣ по молодцѣ тужить:—
«Вотъ и какъ же мнѣ не плакать, не тужить,
«Мнѣ во вѣкъ дружка такого не нажить.

вездѣ есть. Мы видѣли улицы съ этимъ названіемъ и въ первопрестольной Москвѣ, и въ «преславномъ Торопцѣ»; говорятъ, они есть и во Псковѣ.

«Мнѣ ни ростомъ, ни дородствомъ; (*)
«Какъ на молодца невзгодушка пришла,
«На удалую сударушку гнѣвенъ.
«Что и гнѣвно, гнѣвно сердитъ на меня:
«Хоть гдѣ сойдется, не кланяется со мной,
«Хоть поклонится, отвернется пойдетъ,
«Призакроетъ свое бѣлое лицо....»

Кромѣ общеупотребительныхъ пѣсенъ, поèт-

(*) Въ старину, какъ извѣстно, дородство считалось весьма важнымъ достоинствомъ въ мужчинѣ. Впрочемъ, слово это употреблялось въ различныхъ смыслахъ: такъ въ жалованной грамотѣ Стольнику Михаилу Ефимовичу *Грибоѣдову* (1614 г., февр. 28) отъ царя Михаила Θедоровича, «между прочимъ сказано: «а онъ, Михайло, противу враговъ нашихъ, стоялъ крѣпко, мужественно, многое *дородство*:. храбрость, кровопролитіе и службу показалъ.» Подлинникъ этой грамоты, вмѣстѣ съ красною, привѣшанною къ ней печатью, хранится у меня. Копія же ея вмѣстѣ съ другими отпечатана въ № 12 «Москвитянина» за 1856 г., въ статьѣ моей «О фамиліи Грибоѣдовыхъ.»

ся еще безчисленное множество извѣстныхъ *только* въ Великолуцкомъ уѣздѣ. Каждое село, каждая деревня имѣетъ свои пѣсни и собрать ихъ—подвигъ, едва ли исполнимый.

Но обращаемся къ посидѣлкамъ. Къ поющимъ дѣвушкамъ собираются парни. Пѣсни замѣняются шутками, сказками, любезничаніемъ и тайными бесѣдами любовниковъ; прялки бросаютъ въ сторону, громче раздаются пѣсни и пошли плясать!

На святкахъ, забавы эти разнообразятся общеизвѣстными *святочными* играми.

Употребительнѣйшая забава крестьянъ великолуцкихъ хороводъ, это театръ народа; въ немъ заключается зерно нашихъ сценическихъ представленій.

Крестьяне и крестьянки берутъ другъ друга за руки, составляютъ кругъ, въ средину котораго выходятъ двѣ *молодухи* «хоръ поетъ:»

Пойдемъ ка невѣстки, пойдемъ ка голубки,
Ко батюшку свекру.
«Батюшка свекорь, батюшка свекорь,

Отпусти насъ въ гости.
Въ гости погостити, въ гости погуляти.»
—Милыя невѣстки, посидите дома.—
«Не то наше сердце, чтобъ дома сидѣти
На свекра глядѣти.
Пойдемъ ка невѣстки, пойдемъ ка голубки
Къ матушки свекрови.
«Матушка свекровь, матушка свекровь,
Отпусти насъ въ гости,
Въ гости погостити, въ гости погуляти»
—Милыя невѣстки, посидите дома —
«Не то наше сердце, чтобъ дома сидѣти,
На свекровь старую глядѣти.
Пойдемъ ка невѣстки, пойдемъ ка голубки,
Ко милымъ дружечкамъ.
«Милые дружечки, милые дружечки,
Отпустите въ гости,
«Въ гости погостити, въ гости погуляти.
—Подите милыя женки,
Только что недолго, только что недолго будьте.—
Спасибо дружечки, что насъ отпустили,
Въ гости погостити, ночьку тамъ ночевати.»

Хороводъ плавно, медленно двигается, то смыкаясь, то размыкаясь. Посреди его, молодухи,

съ тѣлодвиженіями, перемѣняя голосъ, представляютъ содержаніе пѣсни.

Въ другой, извѣстной подъ именемъ *воробушка*, хоръ спрашиваетъ у стоящаго посреди ловкаго парня, какъ ходятъ и говорятъ: дѣти малыя не разумныя, дѣвки не смышленныя, старухи брюзгливыя, купцы корыстолюбивые, вороги лютые, люди злые и т. п. *Воробушекъ*, т. е. стоящій посрединѣ, съ большею или меньшею ловкостью, сопровождаетъ жестами слова пѣсни, заключаемой наконецъ припѣвомъ:

«Скажи, скажи, воробушекъ,
Какъ скачетъ: чикъ, чикъ, воробей»

на что̀ воробушекъ, прыгая на корточкахъ, отвѣчаетъ:

«Вотъ этакъ, вотъ этакъ,
Туда глядь, сюда глядь,
И порхъ черезъ заборъ!»

Воробей выскакиваетъ, а выпустившій его становится на средину.

Въ нѣкоторыхъ деревняхъ, *воробушекъ* поется, какъ обыкновенный хороводный припѣвъ:

«У воробушки головушка болѣла,
Ретиво сердечушко щемило,
Сталъ воробейка присадиться
Сталъ воробѐйка шевелиться,
Сталъ воробейка подыматься,
Сталъ воробушка летать,
По себѣ красну дѣвицу искать:
«Кого я люблю, того я возьму,
«Кого не люблю, того не возьму!»

Представляемъ нѣсколько хороводныхъ пѣсенъ, подслушанныхъ нами въ разныхъ деревняхъ Великолуцкаго уѣзда :

«Какъ за садомъ, какъ за садомъ,
Росла травушка шелковая!
По той травушкѣ дѣвка шла!
За дѣвкой, молодецъ идетъ,
Кричитъ: дѣвица моя!
Вотъ я, сударь, не твоя,
А родимаго батюшки, да родимой матушки!»

Нѣсколько разъ куплетъ повторяютъ, причемъ дѣвушка, ходящая въ рединѣ, каждый разъ, подходитъ къ одному изъ парней, тотъ кричитъ «дѣвица моя!» та быстро отворачи-

вается и говоритъ: «вотъ я, сударь, не твоя!» и т. д. Обманувъ такимъ образомъ нѣсколькихъ, она подходитъ къ избранному своего сердца и припѣвъ кончается слѣдующими словами:

«Вотъ теперь, сударь, твоя,
Поцѣлуй три раза!»

Троекратный поцѣлуй заключаетъ игру,

«Вдоль по рѣченькѣ, вдоль по Кашанкѣ (*)
Сизый селезень плыветъ.
Вдоль по бережку, вдоль по крутому,
Добрый молодецъ идетъ.
Онъ со кудрями, онъ со русыми,
Разговариваетъ:
«Кому эти кудри, кому эти русы,
Достанется расчесать?»
Доставалися кудри, доставалися русы....»

При этихъ словахъ, парень подходитъ къ какой-нибудь дѣвушкѣ, по словамъ пѣсни:

«Старой бабушкѣ.

(*) Такъ называется одна изъ незначительныхъ рѣчекъ Великолуцкаго уѣзда.

Бабушка чешетъ, старая чешетъ,
Только волосы пухлитъ.»

Повторивши это нѣсколько разъ съ разными дѣвушками, парень подходитъ къ своей возлюбленной, и вмѣстѣ съ хоромъ заключаетъ пѣсню:

«Доставалися кудри, доставалися русы,
Красной дѣвушкѣ.
Дѣвушка чешетъ, красная чешетъ,
Волосъ къ волосу кладетъ,
Поцѣлуя себѣ ждетъ.»

Поцѣловавши, высылаетъ ее на средину, и хороводъ повторяетъ пѣсню.

Подобнымъ образомъ разыгрываются и другіе хороводы.

«Зайка сѣренькій
Зайка бѣленькій.
Зайка всторону скакнулъ,
Чаю, сахару купилъ.
Онъ въ другую скакнулъ,
Тамъ рѣка глубока!
Рѣка тиновая,
Вся рябиновая!

Рябинушка густая
Цалуй молодую въ уста,
Повтори пожалуста!

*
* *

Я улкомъ шелъ,
Переулкомъ шелъ,
Переулкомъ шелъ
Клубокъ нитокъ нашелъ.
Клубокъ катится,
Нитка тянется,
Клубокъ далѣе, далѣе,
А нитка тонѣе, тонѣе,
Ниточка сорвалась
Поцалуя дождалась!»

*
* *

«Мѣсяцъ ночью свѣтитъ, а днемъ нѣтъ?
Милый когда любитъ, когда нѣтъ?
Походочка его — сердечко мое,
Поговорочка его—въ ретиво сердце!
Милъ по пожинкѣ ступаетъ,
Ума спрашиваетъ,
По тихоньку руку жметъ,
Поцѣлуя себѣ ждетъ!

*
* *

Неходи-ко бѣлъ кудрявъ
Мимо моего сада.
Не щипли-ко бѣлъ кудрявъ
Душманную мяту.
Я не для тебя садила,
Не для тебя поливала!
Для того я садила,
Кого я любила,
Кого я любила,
Кого цѣловала.

* * *

«Вейся, ты вейся кочетокъ,
Завивайся бѣлый, —
Ты женися паренекъ,
Если женишься — (у) спокоешься,
Съ красными дѣвушками разстанешься.»

* * *

«Ужъ ты старый старъ,
Ты подвинься сюда.
Старый подвигаться сталъ
По колѣни въ воду сталъ.
Ужъ ты старый, старъ,
Ты подвинься сюда,
Здѣсь помельче вода.
Старый подвигаться сталъ
По сѣдые кудри сталъ.

Слава Богу, потопила старика.
Нажила моладенькаго, хорошенькаго,
Хорошенькаго, чернобровенькаго....» и т. д.

Неупоминаемъ о множествѣ примѣтъ. Они въ ходу «по всей землѣ русской.»—Такъ, «13 особъ за столомъ», «передача соли», «здорованье чрезъ порогъ», «нечаянное погашеніе лучины или свѣчи» и проч. Примѣты общи не только нисшимъ слоямъ нашего общества, но и среднему его кругу. «Мы только словомъ нарицаемся «христіане, писалъ Несторъ въ XI вѣкѣ, а живемъ по погански. Вѣримъ встрѣчѣ: если «кто черноризца встрѣтитъ или попа, или коня лысаго, или свинью, то возвращается. Не «поганскій ли то обычай? Другіе вѣрятъ чиханью, что бываетъ будто бы на здоровье голове. Всякими соблазнами привлекаетъ насъ «дьяволъ: трубами, скоморохами, *гуслями*...» Слова Нестора, едва ли не имѣютъ примѣненія и къ суевѣріямъ XIX столѣтія!

Переходимъ къ *пословицамъ*:

Кто нынѣ станетъ сомнѣваться въ важно-

сти пословицъ для исторіи и этнографіи какого бы то не было государства или города? Переходя изъ рода въ родъ, отъ поколѣнія къ поколѣнію, они, по счастливому выраженію какого-то писателя, тверже чѣмъ литая сталь и надежнѣе страницъ лѣтописныхъ, сохранили намъ многія историческія событія. Въ нихъ перешли нравственныя убѣжденія и мнѣнія цѣлаго народа! Это не исчерпаемый родникъ фактовъ, богатыхъ для описанія внутренней жизни народа. Лѣтописи исключительно передаютъ намъ внѣшнія государственныя событія; памятники въ знаменательномъ безмолвіи, только *напоминаютъ* о томъ или другомъ происшествіи, той или иной эпохѣ.

Внутренняя жизнь народа, его, такъ сказать, частный бытъ теряется изъ виду, и въ этомъ то случаѣ пословицы, какъ матеріалы для изученія, для пополненія сего пробѣла въ исторіи незамѣнимы; преданія, измѣняемые съ каждымъ разсказомъ, ни что предъ пословицами, этими краткими, сильными, не рѣд-

ко въ высшей степени остроумными изрѣченіями. Въ нихъ, говоритъ Карамзинъ: «сохра-«нились драгоцѣнные остатки ума нашихъ пред-«ковъ, ихъ истинныя понятія о добрѣ и муд-«рыя правила жизни».

Не даромъ же говоритъ народъ: *«старинная пословица во вѣкъ не сломится»*, или *«глупая рѣчь не пословица»*, вполнѣ означая послѣднимъ изрѣченіемъ всю важность пословицы.

Нашъ городъ, какъ пригородъ Новгородской державы, какъ пригородъ издревле славянскій, всегда жившій жизнью русскаго народа, естественно долженъ имѣть множество пословицъ, созданныхъ семью вѣками его существованія. Очевидно, большая часть этихъ изрѣченій обща многимъ городамъ и областямъ народа русскаго; но нельзя сказать, чтобы нѣкоторые изъ нихъ не имѣли своего особаго мѣстнаго оттѣнка. На нихъ отразилось вліяніе исторіи города, судьбы его въ разныя эпохи существованія, вліяніе климата, образованіе жителей и

множество другихъ условій частной жизни великолучанъ. Постараемся же, сколь возможно, передать изъ нашего, довольно значительнаго сборника, нѣсколько пословицъ изъ тѣхъ кои присущи жизни великолуцкой, кои окрѣпли, созрѣли и взросли вмѣстѣ съ убѣжденіями нашихъ земляковъ.

Въ теченіе шестисотлѣтняго существованія, Новгородъ прославился доблестями своихъ согражданъ. Ими онъ жилъ, ими онъ былъ крѣпокъ и страшенъ для злыхъ недруговъ. Единодушіе, мужество, пламенная любовь къ свободѣ и отчизнѣ, вотъ что связывало новгородцевъ неразрывными узами, вотъ что создавало изъ нихъ одного страшнаго исполина.

О силѣ сего великана, краснорѣчивѣй всѣхъ сказаній лѣтописныхъ, говоритъ древняя пословица: *Кто противъ Бога и Великаго Новгорода? Новгородская честь, новгородская душа, новгородская правда, псковское твердое слово* были поговорками! И доколѣ пого-

ворки эти могли быть примѣнимы къ Новгороду и Пскову, пока они выражали истинныя добродѣтели гражданъ, дотолѣ Новгородъ былъ могучъ и силенъ въ тѣсномъ союзѣ съ *младшимъ братомъ* своимъ Псковомъ. *Душа на Великой, а сердцѣ на Волховѣ*, говаривали современники, глядя на братскій союзъ свободныхъ городовъ.

Въ то время, когда Россія, въ кровавыхъ усобицахъ, обливалась кровію своихъ же братій, когда татаринъ «царилъ надъ нами и Москвою», Новгородъ съ своими пригородами, Новгородъ «добровольный», судился своею волею.

Выбиралъ князей, заставлялъ ихъ править по своему уставу, *въ чужой де монастырь съ своимъ уставомъ не суйся. А какъ худъ князь, такъ и въ грязь* (*) Новгородъ,

(*) Весьма старинная поговорка: *Ананьинъ внукъ ѣдетъ изъ Великихъ Лукъ*, относится къ Михаилу Посаднику Новгородскому, внуку Ананья I-го. Лишенный сана, въ 1311 г. онъ былъ

по пословицѣ *судилъ одинъ Богъ*. Торговля и промышленность порождали довольство и богатство. Въ концахъ и пригородахъ новгородскихъ, *денегъ куры не клевали*.

Первоначально умѣренные во всемъ, не отдаваясь роскоши, первому шагу къ разврату, они *берегли денежку на черный день* и по пословицѣ *денежка рубль бережетъ, а рубль голову стережетъ*, наполняли свои котлы звонкою нѣмецкою монетою.

Ведя торговыя операціи, жители, какъ Новгорода, такъ и его пригородовъ, зорко смотрѣли за своими недругами: ляхами, литвинами, жмудинами, латышами и ливонцами; защищали свои жилища; вторгались въ ихъ волости. Жгли, рѣзали, захватывали все, что можно, и по старинной пословицѣ *зацѣпилъ поволокъ, сорвалось не спрашивай*, везли награбленное въ

убитъ въ 1315 году подъ Торжкомъ, въ знаменитомъ дѣлѣ со многими новгородскими боярами.

крѣпости, въ свои кладовыя. Нерѣдко враги не дешево уступали аттакующимъ, въ такомъ случаѣ, послѣдніе, потерявши многихъ убитыми, говаривали: *наша взяла, а рыло въ крови.* Жестокость и свирѣпое изувѣрство, коими сопровождались тогдашнія войны, создали пословицу: *кто на войнѣ не бывалъ, тотъ до сыта Богу не маливался.*

Въ полѣ съѣзжаются, не родомъ считаются говаривалъ гордый новгородецъ и великолучанинъ, выѣзжая на битву *съ презрѣннымъ* ляхомъ или нѣмчиномъ. Упрямство новгородцевъ вошло въ поговорку: *упрямъ какъ новгородецъ.* Называясь гражданиномъ великой державы, равнымъ всякому изъ ея жителей, онъ смѣло спрашивалъ каждаго желающаго надъ нимъ подняться: *а ты что за воевода?*

Но близилось время паденія Новгорода; граждане его уже любили больше себя и свои деньги, нежели свободу и отчизну. Уже не мечъ а дань спасала ихъ отъ завоевателей; а тутъ на бѣду: *врагъ захотѣлъ, братья въ раздѣлъ,*

не дружелюбны стали отношенія съ младшимъ его братомъ Псковомъ. Старшій братъ по пословицѣ *надъ нами некаплетъ* не помогъ Пскову, опустошенному Витовтомъ, не внялъ его мольбамъ; и псковитяне, пылая местію, выжгли Луки Великія: *два воюютъ, а одинъ горюетъ*, справедливо заключаетъ старинная пословица.

По мѣрѣ того, какъ болѣе и болѣе разшатывалось вѣче новгородское, крѣпнулъ и росъ престолъ великаго князя Московскаго.

Не вдаваясь въ объясненія, приведемъ нѣсколько пословицъ, относящихся къ паденію Новгорода. Всякій знающій исторію увидитъ, къ какимъ событіямъ этой достопамятной эпохи относятся слѣдующія мѣткія изрѣченія:

«Не держи села близь княжьяго села».

«Щука востра не ѣстъ ерша съ хвоста,

«А ѣстъ его съ головы».

«Взмолилса монахъ, когда смерть въ головахъ».

«Ворона такала, такала, да Новгородъ и протакала.»

«Худо головѣ безъ плечь, худо плечамъ безъ головы (*)».

«Хорошо дерево, славно выцвѣло, не на мѣстѣ лишь оно выросло».

«Нужное и прискорбное время», какъ называютъ всѣ письменные памятники эпоху междуцарствія въ Россіи, оставило въ Великихъ Лукахъ, также нѣсколько изрѣченій:

«Кому отъ чужихъ а намъ отъ своихъ»!

«Было большое село, да отъ жару въ кучу свело».

Послѣднее выраженіе относится къ тому, что пожары, грабежи и опустошенія непріятельскія, превратили Луки, изъ громаднаго города, въ незначительный городишко.

Гибельнымъ ураганомъ налетали поляки на Луки Великія. Доселѣ простолюдины нашего уѣзда въ память этихъ набѣговъ называютъ югозападный вѣтеръ *вѣтромъ—полякомъ*.

(*) По словамъ Новгородскаго лѣтописца, Луки «баше отъ Литвы оплечье.»

Нѣкогда славный по торговлѣ городъ, упалъ и въ этомъ отношеніи послѣ Баторія и Самозванцевъ. Настало въ немъ такое время, что по пословицѣ:

Купить, что.... убить: а продать что блоху поймать.

Богатые нарочитые люди, люди торговые, сравнительно съ прежнимъ, стали такъ бѣдны, что *въ одномъ карманѣ, ... на арканѣ, въ другомъ блоха на цѣпочкѣ, или въ одномъ сочельникъ, а въ другомъ великій постъ.*

Грозныя мѣры, употребляемыя въ началѣ прошлаго столѣтія противъ осуждавшихъ различные государственные распоряженія, вслѣдъ за тѣмъ позорное «*слово и дѣло!*» создали пословицу: «*слово выпустишь такъ и вилами не вытащишь!*» *Большой умъ въ кандалы вводитъ, малый изъ кандаловъ выводитъ.*»

Пословица: «*прежде одну свинью кормили, а теперь съ поросятами*», напоминаетъ

о учрежденіи намѣстничества и воеводскихъ канцелярій!

Въ пословицахъ, какъ въ выраженіи *гласа народа, гласа Божьяго*, надо искать правилъ и обычаевъ, по коимъ управлялся народъ, на основаніи которыхъ постепенно издавалисъ законы и постановленія письменныя. Тѣже пословицы указываютъ злоупотребленія въ различныя эпохи различныхъ правительственныхъ лицъ; въ нихъ же можно найти сентенціи, представителямъ закона о совершеніи обязанностей по совѣсти и по долгу своей службы.

Дѣло по дѣлу, а судъ по формѣ, или *дружба дружбой, а служба службой* говоритъ народъ, требуя отъ служащихъ прежде всего безпристрастнаго и вѣрнаго исполненія своего долга. Но *плохо овцамъ, гдѣ волкъ воевода*, тутъ уже въ сторонѣ святость долга; являются злоупотребленія всевозможныхъ родовъ, *волкъ, такъ волчью хватку и знаетъ*, не даромъ же дано ему прозвище волка, *по шерсти и кличка*. Его опытность еще бо-

лѣе вредитъ, ибо: *старый волкъ знаетъ толкъ*, онъ съумѣетъ употребить свои познанія въ орудіе къ достиженію корыстныхъ цѣлей. Замѣчательно, что на Руси, ѣдкія и въ высшей степени остроумныя изрѣченія противъ злоупотребленій воеводъ, судей, поповъ, приказныхъ и подъячихъ, составляютъ едва ли не наибольшую часть народныхъ пословицъ.

Народъ, преслѣдуемый и изувѣрски угнѣтаемый, по выраженію А. П. Сумарокова «чернильными піявицами», выливалъ свое негодованіе въ пословицахъ, кои на память грядущему поколѣнію переходятъ изъ устъ въ уста, изъ рода въ родъ, теряя по немногу современный интересъ, но не лишаясь важности значенія въ области исторіи народа!

Укажемъ на нѣкоторыя изъ подобныхъ изрѣченій нашего города:

«Бьютъ да и плакать не велятъ!

«Воля со мною твоя, а по правдѣ усадьба моя,»

«До селѣ де Романъ такъ борозды копалъ, а нынче де Романъ въ судьи ужъ попалъ.»

«За правду матку—ссылаютъ въ Камчатку,»

«Когда ракъ свистнетъ, тогда судья рѣшитъ право.»

«Кто украдетъ рубль, того даютъ подъ судъ, а кто тысячь двѣсти, того держутъ въ чести.»

«Какъ гончая собака, гонитъ по зрячему и по горячему.»

«Много напряли, да мало наткали.»

«Не было бъ снѣгу, не былобъ и слѣду,— сталъ снѣгъ, сталъ и слѣдъ,»

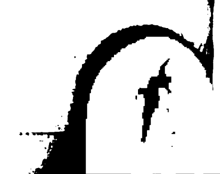
«Чужое сердце въ судьѣ не лежитъ!

«Поцѣлуй пробой (*) да поди домой!»

«А вотъ денежка такъ и камень долбитъ,»

«Что солдатъ безъ ружья, то подъячій безъ пера.»

(*) Намѣкаетъ на медленность дѣлопроизводства, въ судахъ, на выраженіе «приди завтра» столь часто употребляемое въ нашихъ уѣздныхъ ареопагахъ. Наконецъ на то, что безъ денегъ въ судъ лучше не являйся: *всякое дѣло надо подмаслить*.



«Что не говорятъ — а ты клюй да клюй.»

Осуждая злоупотребленія, добрый народъ русскій не осуждаетъ наказанія; напротивъ, онъ признаетъ необходимость исправительныхъ мѣръ:

«Плеть не мука, да впредь наука.»

«Розга хоть нѣма, да придаетъ ума.»

Исправительныя мѣры по его мнѣнію необходимы, потому де говоритъ онъ, *кто безъ грѣха, и кто бабѣ не внукъ. И грѣхъ да бѣда надъ кѣмъ не живетъ*?

Исправлять эти грѣхи необходимо, но исправляй ихъ сначала ласковымъ словомъ. По тому де, для русскаго человѣка *ласковое слово пуще дубины.*

Отъ палатъ аристократа, до скромной хижины селянина, мы находимъ безчисленное множество нравственныхъ изрѣченій. Но они выливаются изъ двухъ, рѣзко противоположныхъ, источниковъ: они бываютъ произведеніями здраваго смысла, теплой вѣры, неиспорченной души или наоборотъ плодами бурныхъ

страстей, безнравственности, ума, ввергнутаго въ пропасть разврата; естественно, что эта двойственность происхожденія не дозволяетъ имъ удовлетворять одной и той же цѣли, т. е. не всѣ они могутъ служить назиданіемъ, правиломъ, незыблемымъ и священнымъ закономъ въ нашей жизни. Надо отличать одни отъ другихъ: правду отъ неправды или полуправды, надо обращать вниманіе на свѣтлую сторону медали, отворачиваясь отъ черной. Представимъ же нѣсколько изрѣченій перваго отдѣла, нѣсколько нравственныхъ сентенцій, основанныхъ на чистой вѣрѣ въ благость провиденія, въ его правосудіе, на опытѣ освященномъ нѣсколькими вѣками. *Бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ*, говоритъ одна изъ нихъ, т. е. Господь въ благой премудрости распредѣлилъ такъ въ роду человѣческомъ: злой человѣкъ не имѣетъ силы. могучій физическими средствами, надѣленъ добрымъ сердцемъ, не позволяющимъ ему употреблять во зло свои силы и т. д. «*будетъ дождикъ, будутъ грибы*;

а будутъ грибы, будетъ и кузовъ, т. е. если злое сердце и дурной нравъ то будутъ грѣхи, т. е. поступки уклоняющіеся отъ здраваго смысла и доброй совѣсти; а въ такомъ случаѣ будетъ и наказаніе. «*будетъ судъ, будетъ и расправа*».

«Безъ толку молиться, безъ числа грѣшить.»
«Воля и добрую жену испортитъ!»
«Грѣхъ не смѣхъ, когда прійдетъ смерть.»
«Живи такъ — какъ живется.»
«Добро не горитъ, не тонетъ.»

«*Господь на языкѣ, чортъ на сердцѣ*» говоритъ пословица, карая ханжей и ханжество: «*гдѣ просто, тамъ ангеловъ со сто, а гдѣ хитро, тамъ ни одного*». Народъ отъ каждаго требуетъ: простоты въ жизни, откровенности и прямоты въ словахъ и поступкахъ.

Русскій человѣкъ любитъ просторъ; для него нѣтъ средины, онъ весь отдается благородному порыву, если же «*бѣда стрясется надъ нимъ*» кидается въ вихрь бурныхъ страстей. «*Была не была*» говоритъ онъ,

либо въ стремя ногой, либо въ пень головой; но, противъ такой необузданности воли, здравый смыслъ вѣщаетъ слѣдующее:

«Всякъ по себѣ дерево рубитъ»!

«Полюбится сатана, лучше яснаго сокола.»

«Вольному воля, спасенному рай, а шальному поле.»

Скрягѣ.

«Шуба виситъ — а тѣло дрожитъ.»

«Баринъ по-вору не вѣритъ, самъ по воду ѣдитъ.»

«Богатый на деньги—бѣдный на выдумки.»

Моту:

«Безпутному сыну—не въ прокъ и богатство.»

Трусу малодушному:

«Блудливъ какъ кошка, труслив какъ заяцъ.»

Вору:

«Чужое добро въ прокъ нейдетъ.»

Болтуну:

«Не все что есть — то въ люди несть».

«Не хвались лапти плесть, не надравши лыкъ».

«Языкъ мой — врагъ мой».

«Языкъ его, слуга его, а онъ же и слуга ему».

Глупцу:

«Заставь дурака Богу молиться—лобъ расшибетъ».

«Коли не попъ, въ ризу не суйся».

Впрочемъ, добавляетъ пословица, *мертваго не разсмѣшить, дурака не научить*. И коли *самъ плохъ, не даетъ Богъ*.

Укажемъ между прочимъ на противорѣчія безпрестанно встрѣчаемыя между пословицами: напр. кто не знаетъ пословицы о бабьихъ волосахъ и ея умѣ? Другія изрѣченія добавляютъ:

«Баба, что мѣшокъ, что положу въ, то несетъ».
«Злая баба въ дому, хуже чорта въ лѣсу»
«Курица не птица — баба не человѣкъ».
«Женскій умъ — стоитъ многихъ думъ».

Слѣдующія изрѣченія также весьма употребительны въ Великолуцкомъ уѣздѣ:

«Близко да склизко, далеко да легко.»
«Нѣтъ дружка любезнаго—слезы, а съ нимъ вдвое».

«Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ».

«Не говори правды — не теряй дружбы».

«Любовь зла, влюбляется въ черта иль козла».

«Мужикъ неученый, что топоръ не точеный»

«На всякій часъ не спасешься».

«Разсердясь на.... да шубу въ печь».

«Умъ придетъ, пора пройдетъ».

«У кого на душѣ тепло, тому не холодно и снаружи».

«Хорошо тому жить, кому бабушка ворожитъ».

«Чужое горе—оханьемъ пройдетъ».

«Вмѣстѣ жить тѣсно, а врозь тошно«.

«Не по тѣлу погребенье, не по душѣ поминанье.

«Дѣвушка гуляй, а дѣльцо не забывай».

«Гляди въ низъ, денегъ не найдешъ,—ногъ не зашибешъ» и т. д.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о *физическихъ* великолуцкихъ пословицахъ и поговоркахъ. Составленіе подобныхъ изрѣченій тѣсно связано съ мѣстностью, природою, климатомъ, однимъ словомъ онѣ прямо вытекаютъ

изъ физическихъ, чисто внѣшнихъ условій жизни какого нибудь города, даже деревни, и какъ разнообразенъ климатъ въ разныхъ городахъ Россіи, такъ точно разнообразны и физическія пословицы.

Послушаемъ же метереологическіи наблюденія великолучанъ.

«Въ іюнѣ на гумнѣ пусто, да на полѣ густо».

Въ іюнѣ батюшко овесъ, до половины только уросъ».

«Въ іюлѣ овесъ въ кафтанѣ; а на гречѣ и рубахи нѣтъ» (*).

«Береза не угроза, а гдѣ стоитъ, тамъ и шумитъ».

«Озимые (хлѣба) въ готовѣ, а греча на всходѣ».

«Бобы не грибы: не посѣешь не взойдутъ»

«Когда одно да холодно, такъ не хорошо, а двое да худое, такъ все тое».

(*) Овесъ сѣется съ Николина дня (9 мая) а греча не ранѣе 10 іюля.

«Безъ счастія и по грибы нечего ходить».

«Не топоръ мужика кормитъ, а іюльская работа».

«Спустя лѣто — да въ лѣсъ по малину».

«На обухѣ рожь молотить, зерна не проронить».

«Земля любитъ навозъ, какъ овесъ, а баринъ приносъ».

«Молодой снѣгъ—за старымъ пришелъ» (*).

«Рожь двѣ недѣли цвѣтетъ, двѣ наливаетъ, двѣ подсыхаетъ»,

«До Ильина дни и подъ кустомъ солнце сушитъ, а послѣ Ильина дни и на кустѣ роса не обсыхаетъ».

«Съ осени хлѣбъ да кисели, а весной сядь да посмотри».

«Осень говоритъ уключу, а весна какъ я захочу».

«Февраль — коровѣ рогъ сорвалъ (*)»,

Подобныя изрѣченія, служа замѣтками и выводами хозяйственной сельской жизни, въ то-

---

(*) Говорится къ позднему мартовскому снѣгу.

(**) Къ сильнымъ февральскимъ морозамъ.

же время примѣняются и при разныхъ обыденныхъ событіяхъ. Какъ, наприм., «*спустя лѣто, да въ лѣсъ по малину*» часто имѣетъ примѣненіе въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ жизни.

Бѣдно живутъ великолуцкіе крестьяне: вездѣ нищета въ ужасномъ видѣ, вездѣ поразительное неряшество, вездѣ убійственное равнодушіе ко всему окружающему. Только въ этомъ несчастномъ прозябаніи надо искать корней слѣдующимъ изрѣченіямъ:

«Съ работы будешь горбатъ, а не будешь богатъ».

«Трудись вѣкъ, едва заработаешь на хлѣбъ».

«Есть чѣмъ поѣсть — было бы что́»,

«Тишь да гладь, да Божья благодать».

«Ѣсть нечего — жить не весело».

Уходя на работу съ зарей, оставляя ее съ другой, по пословицѣ: «*одна заря вгонитъ, а другая выгонитъ*», онъ не торопится ни работать, ни обзаводиться хозяйствомъ, съ тупымъ безстрастіемъ говоритъ: «*торопяться только блохъ искать*».

«Крестьянское горло, что суконное бердо».

«*Капуста да ржаная луста, такъ въ животъ не пусто*», *хлѣбъ да капуста* по его мнѣнію *лихости не напустятъ*; *хлѣба съ душу, денегъ съ нужу,* на соль да на деготь, *лаптецъ съ ношу,*—вотъ все, чѣмъ замыкается сфера его желаній, его потребностей.

Страсть мужичка—вино; угнѣтаемый безвыходностію и безотрадностію положенія, онъ *опускается* во всѣхъ отношеніяхъ; пьетъ съ горя, чтобы забыть пошлую дѣйствительность: голодныхъ ребятишекъ, брань и упреки жены, Нѣмца управителя либо баринова приказчика. *Первая рюмка коломъ,* улыбаясь говоритъ онъ, *вторая соколомъ, а третья ужъ сама летитъ*.

Сентябрь 1856 г.
Великія Луки.

Мих. Семевскій.

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строки.	Напечатано:	Читай:
4.	2 снизу.	т. 8, см. Карту	см. Карту при 8 т.
6.	10 —	и еще	и аще.
7.	1 —	см. подъ числомъ 16 Іюля, также И. Г. Р. т. 10, прим. 50.	см. подъ числомъ 16 Іюля.
11.	7 —	Э. Л. т. XI.	Э. Л. т. IX.
17.	5 и 10—	1156	1167.
19.	14 —	Теропѣ	Торопѣ.
—	3 —	1818 г.	1816 г.
20.	6 —	Покли	Полки
23.	20 —	1464 г.	1406 г.
64.	1 свер.	уѣздные	удѣльные
65.	10 —	всего XV и начала XVI	всего XV, XVI и начала XVII
87.	10 —	754, 218	2,420.
105.	2 —	полтораста	триста.
120.	1 —	эта	это
122.	7 —	народъ	нарядъ
132.	8 —	1765	1763
138.	13 —	получить	получить
139.	7 снизу.	а	ее
147.	10 —	И мужикъ	И изъ подъ палокъ мужикъ
171.	13 —	спать пошла,	невѣстка спать пошла
206.	10 —	не даеть	не дастъ

—